

ХАНИФ ФАХРУТДИНОВ
НЕОБЪЯВЛЕННАЯ
ВОЙНА

Ханиф Фахрутдинов
Необъявленная война

«Татарское книжное издательство»

2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)-4

Фахрутдинов Х.

Необъявленная война / Х. Фахрутдинов — «Татарское книжное издательство», 2017

ISBN 978-5-298-03384-8

Журналист, ветеран боевых действий в Афганистане Ханиф Фахрутдинов предлагает читателю роман, посвящённый афганской войне. В центре повествования – судьбы людей, которые драматически переплетены и связаны с событиями, разворачивающимися на фоне боевых действий. Книга предназначена для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)-4

ISBN 978-5-298-03384-8

© Фахрутдинов Х., 2017
© Татарское книжное издательство, 2017

Содержание

Шакалы любят человеческое мясо	6
Необъявленная война	9
Наёмные войска «Аль-Каида»	13
Возвращение на родину предков	15
Подготовка военных извозчиков	17
Пуштуны – народ чести	20
Огромное спасибо вам, дорогие алабаи	24
Сынок, там сидят гранатомётчики	28
Показательный детдом	33
Кызым, ты моя внучка	35
Твоя мама запретила говорить правду	40
Доченька, я вот этими руками хотела тебя убить	43
Красавчик Арвид Харакис	46
Ты до конца своей жизни будешь любить только меня одну!	48
Посеешь любовь, пожнёшь дитя	50
Детство Арнольда Харакиса	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ханиф Фахрутдинов **Необъявленная война**

© Татарское книжное издательство, 2017

© Фахрутдинов Х. Х., 2017

* * *

Шакалы любят человеческое мясо

Старшина автомобильного батальона Советской армии Ринат Сафин пришёл в себя и не понимал, каким чудом ему удалось вырваться из самого ада. Он не мог вспомнить, что с ним произошло и где в данный момент находится...

Колонна автомобильного батальона двигалась по самому опасному склону горы... И тут неожиданно началось землетрясение. Сначала был сильный взрыв, после чего на колонну посыпались гранитные глыбы, а потом полил свинцовый дождь. Начали взрываться автоцистерны с горючим и боеприпасы. Наступил настоящий ад: кто-то в машинах сгорел живьём, а кто-то спасся бегством...

Вот он лежит в окружении похожих на волков зверей. Но, к его счастью, это были не волки, а собаки волкодавы – алабаи. В народе эту породу собак называют по-разному: кто-то туркменской, кто-то среднеазиатской, а афганцы их называют афганскими алабаями. По утверждению знатоков, эта порода является самой древней породой на земле – от трёх до шести тысяч лет. Эта собака мощная, недоверчивая к посторонним, самостоятельная, свободолюбивая и, самое главное, верная своему хозяину. На протяжении многих веков собаки этой породы находились в условиях жесточайшего естественного отбора. Тяжёлые климатические условия существования в горах и в знойном пустынном климате, скудная пища, ограниченное количество питьевой воды, постоянная борьба с хищниками сформировали внешний облик и характер собаки, сделали её сильной, бесстрашной, научили экономно расходовать силы. Постоянные схватки с хищниками отточили их боевое мастерство. Континентальный климат, географические различия региона и их особенности за многие века отразились и на физиологии телосложения этих уникальных собак...

Для обитающих возле ВАД (военная автодорога) Хайратон-Кабул хищных зверей: шакалов, гиен и волков, с началом войны между моджахедами и шурави эта трасса стала лакомым куском. На этой дороге постоянно шли боевые действия между противоборствующими сторонами. Природный инстинкт и звериное чутьё им подсказывали: где идёт война, там можно пожить человеческим мясом. Когда послышался сильный взрыв и началась сильная стрельба, стая шакалов и гиен ринулась по кровавому следу очередной жертвы.

Когда колонна попала в засаду, оставшиеся в живых бойцы отползли в сторону подножья горы, где была возможность укрыться от противника. Когда ещё было светло, чтобы выручить попавших в засаду шурави, прилетели вертолёты, чтобы подобрать раненых бойцов, но времени было в обрез и с наступлением темноты, не успев подобрать всех раненых бойцов (оставив их на съедение шакалам), улетели на свою базу, так как в ночном небе вертолёт равноценен мишени в тире, где его можно подбить даже из простого охотничьего ружья.

А нападавшие душманы, истребив оставшихся без защиты раненых бойцов, скрылись в горных пещерах, внутри огромной горы, где их никаким оружием невозможно было достать.

Всю ночь Ринат, приложив все силы, оставляя за собой кровавый след, полз, потому что оставаться возле военной автодороги было равноценно самоубийству.

С восходом солнца Ринат обнаружил, что находится в какой-то норе, где обитает то ли сурук, то ли барсук, а может, шакал или гиена. Недалеко от этого места он заметил обглоданные человеческие кости. Это была жуткая картина. Шакалы и гиены ведут ночной образ жизни, поэтому в свою нору они приходят только утром, чтобы отдохнуть, и с наступлением темноты опять идут на охоту. Поняв, что бесцеремонно вторгся на чужую территорию, Ринат, приложив все оставшиеся силы, стал ползти дальше. Встать на ноги он не мог, так как левая нога была сильно ранена. Ему не удалось далеко отползти, вскоре на него ринулась целая ватага шакалов. Перед самым прыжком шакала Ринат успел нажать на курок калаша, и хищник рухнул недалеко

от него. Что удивительно, Ринат ждал, что остальные звери накинутся на него, но этого почему-то не произошло.

Большинство зверей и птиц при возникновении опасности первым делом бросаются спасать своих детёнышей, а шакалы и гиены спасаются бегством, тем самым жертвуя даже своим потомством.

Старшина автобата из последних сил устремился подальше от этого места. Он заметил, что на другом подножье горы видны какие-то строения. Это было для него ориентиром.

Шакалы перестали его преследовать: им было не до него, они остервенело грызли своего раненого сородича. Шакалы и гиены – одни из немногих хищников, которые в подобной ситуации живьём съедают своих сородичей. Даже в случае ранения своего собрата, они его, живого, не дожидаясь смерти, начинают рвать на куски.

Вот эта особая хищническая природа шакалов помогла Сафину остаться в живых. Он, не теряя времени, всеми силами устремился к людям. Пусть там будут враги, пусть там его расстреляют или повесят, но только не быть живьём растерзанным этими подлыми тварями.

«О Великий Аллах, дай мне возможность умереть человеческой смертью, не позволяй этим хищникам загрызть меня, как последнего пресмыкающегося. Не для того я сюда приехал, чтобы вдали от Родины, на чужбине, умереть такой страшной, позорной смертью», – взмолился он. После того как Ринат дал достойный отпор этим зверям, он был уверен, что они больше не будут его преследовать, но глубоко ошибался.

Как было принято в войсках ОКСВА (Ограниченный контингент советских войск в Афганистане), в безвыходных и смертельно опасных ситуациях, чтобы не попасть душманам в плен, каждый боец при себе имел НЗ: лимонку (гранату), или именную пулю. Некоторые шутники на лимонку приклеивали свою фотографию, а на пуле писали свои инициалы. Многие бойцы уезжали на дембель с таким драгоценным подарком – своей «смертью», чтобы дома перед своими друзьями похвастаться уникальным сувениром. Ведь это так круто: в нагрудном кармане, рядом с сердцем, носить свою «смерть».

После того как голодные шакалы закончили с трапезой, они буквально за короткое время опять догнали свою жертву. Нападение на беспомощного солдата повторилось, они снова получили свинцовый дождь и порцию мяса сородича. И такая ситуация повторялась неоднократно.

По расчётам Рината, у него в рожке должны были остаться две «смерти», но он просчитался, в пылу борьбы с этими хищниками Ринат не заметил, как у него произошёл перерасход военного имущества: были использованы обе «смерти», и этот просчёт ему мог стоить жизни.

Сафин предпринял единственную возможную в такой ситуации защитную меру: пристегнул свою шею солдатским ремнём – защитил свою глотку от звериных клыков, так как звери свою жертву первым делом хватают за горло.

Ринат, держа впереди себя автомат с пустым рожком, собрался защищаться. В такой критической обстановке приближающуюся с крейсерской скоростью смерть могло остановить только чудо. И это чудо произошло.

Перед глазами Рината прошла вся его жизнь. Он начал прощаться с мамой, родными, знакомыми. Последними его мыслями была мольба, обращённая к самому близкому человеку на свете – маме.

О чудо! Свершилось невероятное, видимо, Всевышний услышал его мольбу. Сафин, уже теряя сознание, заметил, как наперерез стае шакалов ринулись какие-то огромные животные, похожие на волков. Придя в себя, он ощутил, что кто-то нежно лижет его кровотокающую руку.

Ринат, открыв глаза, заметил, что на него смотрят четыре пары глаз, а рядом с ним сидит маленький щенок и, похоже, как-то хочет облегчить его боль. Боясь сделать резкие движения, Сафин посмотрел по сторонам: недалеко от него находился какой-то сарайчик, чуть подальше – ограждённая территория, а рядом с ним, в метрах десяти, сидели огромные волкодавы – афганские алабаи. Они дружелюбно и внимательно за ним следили.

Он в очередной раз потерял сознание...

Необъявленная война

В этой жизни для любого человека потеря своих близких родственников и друзей является страшным ударом, особенно если ему всего восемнадцать лет.

У каждого человека в душе есть стержень, который поддерживает физические и духовные силы человека.

Бой в горах Афганистана против наёмных головорезов из Пакистана для старшины автомобильного батальона Рината Сафина стал одним из самых серьёзных испытаний в его жизни. Это была его последняя дембельская поездка в составе колонны по «дороге жизни» по маршруту из приграничного города Узбекистана – Термез в столицу Афганистана – Кабул. Первоначально, когда он был командиром отделения, ему регулярно приходилось совершать этот опаснейший рейс. В последние полгода перед дембелем, когда его назначили старшиной роты, он некоторое время занимался организационными работами: встречал колонну, организовывал помывку и отдых водителей, некоторых с трудом выводил из стрессового состояния. Страх, пронизанный до костей, и после окончания рейса, как монстр своими щупальцами, не отпускал и держал бойцов в большом напряжении. Бойцы после рейса были физически истощены: некоторые из них за рейс теряли не только четыре-пять килограммов веса, но и весь свой психоэмоциональный запас. Поэтому в этот момент они были неадекватными и деморализованными. Им приходилось находиться под постоянным прицелом снайперов, не зная, откуда будет нападение. Это чем-то напоминало приговорённого к смерти человека, который постоянно ощущал дыхание смерти над своей головой.

Были случаи, когда такого вот слабака, маменькиного сыночка, после возвращения из рейса старшине Сафину приходилось вытаскивать из петли, предотвратив суицид, и спасти ему жизнь.

А через несколько дней им предстояла очередная поездка: изнурительная жара и песчаная буря «афганец», которая забивала песком рот, глаза, нос, уши и лёгкие; постоянное ощущение холодного дыхания смерти, неотступно довлеющей над головой бойцов, находящихся в составе колонны. Отправить в рейс такого водителя было всё равно, что приговорить его к смерти.

Общеизвестно, психически неустойчивые люди в критических ситуациях теряют над собой контроль и не в состоянии принять правильное решение. Поэтому старшине Сафину каждый раз перед поездкой приходилось сортировать весь личный состав колонны: кого-то временно переводил в хоззвод, кого-то – в отделение охраны, а кого-то временно приходилось отстранить от этой тяжелейшей и опасной работы.

Каждый опытный дальнобойщик, можно сказать, был на вес золота. Ведь стрелка из охраны или кухонного рабочего из хоззвода за руль боевой машины не посадишь.

От умения и расторопности старшины Сафина и правильного комплектования колонны зависела судьба нескольких сотен бойцов, которым предстояло ехать в очередной рейс. Для этого ему одновременно нужно было быть и психологом, и строгим командиром. При необходимости приходилось быть и другом. Иногда, в нарушение армейского устава, когда слова старшины на бойца не действовали, он из своего НЗ наливал ему сто грамм «лечебного» напитка, что уставом Советской армии было запрещено, после чего военный извозчик, успокоившись, засыпал крепким сном. Также, чтобы отвлечь их от мрачных мыслей, Сафин в свободное время организовывал турниры для личного состава: по боксу, борьбе на поясах, самбо, армрестлингу. На этих турнирах они показывали свою силу, сноровку и умение побеждать, в процессе спортивной борьбы у них появлялась жажда жизни, стремление выжить в трудной ситуации.

Перед Ринатом Сафиным частенько, как в немом кино, перед глазами вставала страшная картина: по горному серпантину дороги Термез – Хайратон – Кабул медленно движется

большая колонна ОКСВА, состоящая из БМП, БТР, КРАЗов, КАМАЗов, УРАЛов, ЗИЛов, ГАЗов. Особо опасные участки большегрузные машины, гружённые стратегическим грузом – боеприпасами, и десятитонные цистерны, наполненные бензином, авиационным керосином, соляжкой и другими горюче-смазочными материалами (ГСМ), проходили в сопровождении танков с тралами. Колонну сзади и спереди на нескольких БТР и БМП сопровождало боевое охранение – группа спецназовцев, у которых была одна задача: при нападении душманов, приняв удар на себя, защитить колонну.

Грузы для ОКСВА, доставляемые из Советского Союза, подразделялись на три категории: СПП – скоропортящиеся продукты: мясо, масло, яйца, колбаса, молочные изделия и ещё кое-какие продукты; ГСН – грузы стратегического назначения: танки, пушки, миномёты, ПЗРК (переносной зенитно-ракетный комплекс) и боеприпасы к ним; ГНПП – грузы с скоропортящимися продуктами питания, куда входили мука, сахар, крупы, домашний скарб, военное обмундирование и другое. Всё, что нужно для жизнедеятельности человека, завозилось наземным путём на автомобилях по горной дороге Термез – Хайратон – Кабул через перевал Саланг, а особо ценное военное оборудование доставлялось военно-транспортными самолётами ИЛ-76М. Центральная база находилась в Хайратоне, недалеко от реки Амударья, которая являлась пограничным разделительным пунктом двух стран – Афганистана и СССР.

Всё, что нужно было для военнослужащих, вплоть от иголки до нитки, привозили из Союза, так как в самой нищей стране на земном шаре купить или заимствовать что-либо из продовольствия и ширпотреба не было возможности. Даже, наоборот, во время так называемой «оккупации» Советский Союз помогал афганскому народу продовольствием, а правительственные войска обеспечивал военной техникой и обмундированием.

Самым ценным и опасным грузом считался ООГСН – особоопасный груз стратегического назначения. Туда входило взрывоопасное вооружение, в том числе бомбы, снаряды, мины, ракеты, гранаты, а также бензин, авиационный керосин, соляжка, спирт и горюче-смазочные вещества. По возможности такие грузы, кроме спецназа, с воздуха сопровождала и пара вертолётов.

Движение колонны проходило по строго намеченному плану. Контроль за дорогой, грузом и передвижением колонны вёлся беспрестанно. Вертушки регулярно, каждые два часа, пролетали над колонной для проверки состояния дороги и соблюдения графика передвижения колонны. Начальник колонны также постоянно выходил на связь с докладом о местонахождении колонны, состоянии техники и личного состава. Вот и в этот раз, низко пролетая прямо над головой колонны, где ехал Сафин, один из лётчиков приветливо махнул рукой и показал свой большой палец, мол, всё окей, не волнуйтесь, всё идёт по плану. Вертушки, убедившись, что на дороге всё нормально, со спокойной душой улетали на своё место дислокации, так как до прибытия до места назначения оставалось всего ничего.

Старшина автороты со своим другом Сергеем в боевом охранении вместе с военными разведчиками ехали впереди колонны. До сих пор дорога шла на подъём. Поэтому тяжёлые машины, приложив максимум усилий, с большим надрывом, рыча как медведи, тянули свой тяжёлый груз.

Вдали на равнине, между гор, показалась зелёнка (зелёная зона). Там росли лимоны, мандарины, груши, финики и другие экзотические растения. С дерева на дерево прыгали обезьяны, пели экзотические птицы. Как говорится: живи не хочу, наслаждайся земным раем.

Впереди неожиданно послышался страшный грохот, чем-то напоминающий землетрясение. Земля задрожала как кролик перед удавом, и огромные валуны с отвесной скалы стали падать прямо на головы шурави. В среднеазиатских республиках: Таджикистане, Узбекистане, Туркмении, Киргизии, также в Афганистане и соседнем Пакистане землетрясения – явление частое. Учёные утверждают, что природные аномалии и катаклизмы случаются именно там, где идут войны. Видимо, такое наказание людям посылает сам Всевышний, чтобы образумить

вышедших из-под его контроля и потерявших свой рассудок людей, которые беспричинно убивают друг друга и уничтожают живую природу.

Кто испытал этот чудовищной силы природный катаклизм, знает: в населённых пунктах перед началом землетрясения на несколько секунд устанавливается жуткая, гнетущая тишина, прекращается лай собак, пение птиц, как будто всё живое, остановив дыхание, прислушивается к страшным звукам, идущим из нутра нашей планеты. Через несколько минут из-под земли всё сильнее и сильнее слышится душераздирающий страшный гул, после чего земля начинает дрожать наподобие свирепого быка, который в бешеном темпе начинает прыгать, чтобы скинуть с себя находящегося на нём всадника-тореадора. Землетрясения бывают горизонтальные и вертикальные. Самыми опасными считаются вертикальные землетрясения, когда земля резко поднимается и так же резко опускается, разрушая все строения, находящиеся на данном квадрате.

Как только начинается землетрясение, человека охватывает страх, который парализует его волю и разум, он не в состоянии принять правильное решение. В этой ситуации он становится беззащитным, как маленький ребёнок.

Дорога перед колонной полностью была завалена огромными валунами. Немногим водителям удалось вырваться из такого ада, и они, приложив невероятные силы, старались быстрее покинуть свои машины, но таких было единицы.

В тот же момент вся колонна ощутила взрыв огромной силы. Наверху, на подножье горы, сидели вражеские гранатомётчики. После того как они взорвали скалу, прямой наводкой начали обстрел колонны. Гранатомётчики первым делом ударили по впереди идущим машинам и по взрывоопасному грузу.

Одна за другой начали взрываться цистерны с бензином, керосином, соляжкой и боеприпасы. Бушевало море огня. Это было похоже на настоящий апокалипсис...

Ринат от сильного взрыва потерял сознание. Когда он пришёл в себя, увидел страшную картину: залитое кровью лицо своего друга. Кругом бушевал огненный смерч, друг за другом взрывались и горели цистерны с горючим и боеприпасы. От сильнейшего стресса Ринат опять потерял сознание.

Он каким-то чудом остался жив. Видимо, его спас ангел-хранитель.

Придя в сознание, Ринат инстинктивно хотел оказать помощь бойцам – вытащить их из боевой машины, но они были уже мертвы.

Ринат понимал, что в такой ситуации оставаться в подбитой машине ни в коем случае нельзя, так как он был мишенью для душманов. Он, собрав все силы, выбрался из машины и с трудом дополз до подножья горы. Небольшое количество бойцов, оставшихся в живых, также спрятались за придорожными камнями. А вот принять бой и дать противнику достойный отпор они уже не могли. Уж слишком на виду было местонахождение шурави, и силы были неравны. Враги же сидели над головами наших бойцов и беспрестанно поливали их свинцовым огнём.

Колонна была сформирована таким образом: весь взрывоопасный груз находился под защитой – в середине, а в конце и начале находились охрана и несколько машин с невзрывоопасным грузом. Арабские наёмники, зная местонахождение ВЗОГ (взрывоопасный груз), из миномётов и гранатомётов в первую очередь ударили по цистернам. Они попали в одну из них, и от взрыва и детонации по цепочке начали взрываться остальные цистерны. Водители, находящиеся за рулём этих машин, даже не поняв, что произошло, моментально превратились в горящий факел.

В таком аду остаться в живых было невозможно. Командиру колонны капитану Сорокину до выхода рации из строя удалось сообщить оперативному дежурному, что колонна попала в «каменно-огненный мешок», и попросить оказать срочную помощь. Но вертушкам быстро прилететь к месту боя не удалось, так как они при облёте получили повреждения. Когда от командира полка поступил приказ о направлении на помощь колонне другой пары вертушек, было темно. Посылать ночью вертолёты на подмогу подвергшейся нападению душманов

колонне равносильно самоубийству. Поэтому оставшиеся в живых в окружении врага и шакалов шурави остались без помощи.

Наёмные войска «Аль-Каида»

В этой тяжелейшей ситуации, куда попала колонна, самое страшное, что в этот раз нападавшими были не простые моджахеды, в рядах которых в основном воевали простые дехкане, а кровожадные наёмные головорезы «Аль-Каиды» из арабских стран. Они были вооружены не только винтовками и автоматами, но и гранатомётами и миномётами, даже и зенитными установками. В таких ситуациях попавших в беду шурави могли выручить только наши вертолётчики. Хорошо ещё в то время у душманов в вооружении не было переносного зенитно-ракетного комплекса «Стингер» – грозы для всех наших вертолётов и самолётов.

В начале афганской войны самолёты и вертолёты ВВС СССР бороздили воздушное пространство Афганистана нагло и безнаказанно. Потому что в то время у душманов такого серьёзного оружия не было. Наши военные стратеги не считали серьёзным противником разрозненные афганские племена. Частенько недооценка военачальников своего противника в войне приводила к поражению.

Верховному командованию МО и во сне не снилось, чтобы эти дилетанты могли противостоять до зубов вооружённым самым современным оружием советским войскам.

В начале войны на вооружении у племён были охотничьи ружья и берданки образца 1812 года, правда, у некоторых были автоматы Калашникова и ещё кое-какое несерьёзное оружие. Но такое неравенство в вооружении между противоборствующими сторонами продолжалось недолго. Вскоре оппозицию существующего режима, как их в то время называли СМИ разных стран (повстанцы, душманы, моджахеды, патриоты), под свою защиту взяли страны НАТО: Америка, Италия, Германия, а также Англия, Пакистан, Саудовская Аравия.

И тут неожиданно душманам, как из рога изобилия, стало поступать самое современное оружие: в том числе ПЗРК «Стингер» (в переводе с английского – «жалю»), который перекрыл безраздельное господство наших летательных аппаратов на территории Афганистана и стал самой настоящей грозой для советских самолётов и вертолётотв.

«Стингер» разработали специалисты военно-промышленного комплекса Пентагона. Он выгодно отличался от других зенитных установок, предназначенных для уничтожения воздушных аппаратов. Военные специалисты называли «Стингер» умным, интеллектуальным оружием. Наводка на цель осуществлялась с помощью инфракрасного сканера, который снабжался высокочувствительной головкой наведения. «Стингер» был идеален для поражения низко летящих целей, но главным его преимуществом была лёгкость, что имело большое значение при ведении боевых действий в горных условиях, и самое главное, для подготовки его к бою требовалось всего тридцать секунд.

Вдобавок «Стингер» был оснащён системой опознавания свой – чужой. Единственное, что требовалось от стреляющего, это просто направить «Стингер» на сторону летящего объекта, а ракета сама автоматически находила цель.

Первыми жертвами «Стингеров» стали наши вертолётты. За одну неделю применения «Стингеров» были сбиты четыре штурмовика СУ-25. В 1986 году была уничтожена целая эскадрилья СУ-25. Всего было сбито 80 вертолёттов. С 1979 по 1989 год потери составили 118 самолёттов и 333 вертолётта.

Против этого грозного оружия встали наши учёные. Знаменитым конструктором Сергеем Павловичем Непобедимым был изобретён управляемый противотанковый ракетный комплекс «Малютка», который стал самым мощным и самым дешёвым ракетным оружием в мире. И он легко уничтожал бронетехнику врага стоимостью сотни тысяч долларов.

В войне «Судного дня» (война между Израилем и Египтом), которая произошла на Ближнем Востоке, египтяне «Малютками» сожгли почти весь бронепарк Израиля американского производства. Также под руководством этого гениального конструктора впервые в СССР были

созданы переносные зенитно-ракетные комплексы «Стрела». Весной 1968 года десятью ракетами и ПЗРК, выпущенными в районе Суэцкого канала, было сбито шесть израильских самолётов. Это был настоящий триумф советской ракетной техники. На военном параде 7 ноября 1968 года «Стрелу-2» показали открыто. Более совершенный ПЗРК «Стрела-2» стал самым современным оружием в мире среди подобных систем. Он состоял на вооружении армии более шестидесяти стран мира. В начале 1980-х годов в США создали ПЗРК «Стингер», ставший грозой для советской авиации в Афганистане.

Сергей Павлович, детально изучив американский ракетный комплекс, пришёл к выводу, что слабая электронная часть, имевшаяся в то время в СССР, не позволит превзойти ПЗРК американского производства. Тогда он решил обойти американцев за счёт оригинальных конструкторских решений. И произошло техническое чудо.

«Игла», уступая заокеанскому аналогу поэлементно, полностью превзошла его в комплексе, став и оставаясь и по сей день лучшим переносным зенитно-ракетным комплексом в мире.

Возвращение на родину предков

Детство у Рината прошло в Средней Азии. В голодные тридцатые годы его дед, чтобы избежать голодной смерти, уехал со своей семьёй в Узбекистан. Там же родился и Ринат. Когда ему было десять лет, его родители переехали жить на историческую родину деда – Татарстан.

По окончании средней школы военкомат направил его в автошколу учиться на водителя боевых машин. После успешного окончания курсов ДОСААФ Рината призвали в ряды Советской армии.

Когда ещё учился в школе, он знал, что в Афганистане идёт война, но не представлял всю серьёзность этой необъявленной войны. По утверждению СМИ СССР, никакой войны в Афганистане вовсе не было. Просто руководство страны пошло навстречу просьбе нашего дружественного южного соседа – афганского народа об оказании военной помощи.

В Советском Союзе идеологическое и патриотическое воспитание народа, особенно молодёжи и школьников, было самым передовым во всём мире. Ринат, как и многие его сверстники, воспитанный коммунистической идеологией, был твёрдо уверен в правильности проводимой партией и правительством политики. Среди его одноклассников и знакомых было немало патриотически настроенных мальчишек и девчонок, в большинстве из семей рабочих и крестьян, которые скорее, пока не закончилась война, стремились выполнить свой интернациональный долг – хотели добровольцами поехать служить в Афганистан. Тут, наверное, немалую роль сыграл и юношеский максимализм советских молодых людей, воспитанных на примере героев Гражданской и Великой Отечественной войн. Где ещё в наше мирное время можно проявить себя, как не в боевых точках?

В военкомате, когда Рината спросили, где и в каких войсках он хочет служить, ответ был таков: «Прошу меня направить в Афганистан в десантные войска или в разведку». Но, к большому неудовольствию Рината, который со школьной скамьи готовил себя к службе в армии, упорно занимался спортом и в этом, надо сказать, добился очень даже неплохих успехов: он стал кандидатом в мастера спорта по боевому самбо, также неплохо владел приёмами восточных единоборств, – его направили в автомобильный батальон...

* * *

Рината чуть ли не со дня рождения воспитывали его дед Арслан и бабушка Нафиса. Его родители с утра до ночи были на работе, зарабатывали на жизнь. Дед Арслан был здоровенным мужиком, кося сажень в плечах, под два метра ростом, одним словом, он был гренадерского телосложения. Что удивительно, его сын, отец Рината, Махмут, таким здоровьем не отличался. Он был среднего роста и от других мужиков ничем не выделялся. Видно, Ринат пошёл в деда, вырос высоким, стройным, сильным парнем.

Несмотря на то что у деда Арслана за душой было всего четыре класса образования, тем не менее он обладал аналитическим, можно сказать даже, и философским складом ума, играл в древнейшую игру – шахматы на уровне мастера спорта. Одним словом, мудрый был старик.

Как-то восьмилетний Ринат спросил у деда:

– Дед, скажи-ка мне, что такое мудрость? Я много раз слышал, как взрослые говорили про старых людей, что они мудрые. А правда, что все старые люди мудрые?

Услышав от своего внука такой непростой вопрос, дед Арслан задумался.

– Сынок, – сказал он, – утверждать, что все старые люди мудрые, было бы неправильно. И среди старых людей немало глупцов, и среди молодых людей достаточно много умных, но, чтобы стать мудрым, человеку нужны ещё кое-какие качества.

– Дед, ты так и не ответил на мой вопрос, что такое мудрость? – не отставал от деда внук.

– Сынок, вот ты ещё маленький, а задаёшь такие сложные вопросы. Ответить на такой вопрос не так-то просто. Как я сам понимаю, это, пожалуй, ум, помноженный на жизненный опыт, который человек приобретает, накапливает по крупицам в течение всей своей жизни. Жизнь человека состоит из многочисленных эпизодов. Даже неожиданная, малозначимая случайность может изменить человеку всю его жизнь. Бывают ситуации, когда в экстремальных ситуациях человек должен найти одно-единственное правильное решение, чтобы сохранить собственную, а может быть, и чужую жизнь. Человек с сильной волей способен концентрировать умственную энергию в единый кулак, и она является не только двигателем прогресса, но и позволяет найти выход в критических ситуациях. Сынок, ни при каких тяжёлых ситуациях нельзя опускать руки. Человек, обладающий такими качествами, со временем становится мудрым, но, к сожалению, мудрость к человеку приходит поздно, когда ему уже пора идти на постоянное место жительства – в небеса. Вот, например, посланец Аллаха пророк Мухаммед был мудрецом. Несмотря на большие лишения и преследования, он людей учил, как правильно жить, не совершать безрассудных поступков. Мудрого человека можно сравнить с провидцем. Он как хороший шахматист, способный на несколько ходов вперёд предвидеть последствия принятого решения. Такие качества очень нужны правителям: царям, королям, эмирам, ханам, которые вершат судьбами миллионов простых людей. Но, к сожалению, таких мудрых правителей в истории человечества было очень мало, что приводило к бессмысленным войнам с огромными человеческими жертвами.

Любимым делом деда Арслана было плотничество. Он был умелым столяром. Знакомые его называли краснодеревщиком или мастером на все руки. Он на заказ делал красивые шифоньеры, шкафы, тумбочки и другую мебель. Мог построить и бревенчатую избу. Ринат в свободное время постоянно крутился возле деда, помогал ему во всём. Со временем он так же, как и его дед, стал хорошо владеть всеми плотницкими инструментами. Физический труд и пять лет занятий борьбой помогли ему завоевать звание кандидата в мастера спорта. Ему прочили большое спортивное будущее, если бы не служба в армии, он мог стать великим спортсменом. Главный тренер спортклуба Силин долго умолял его забыть про интернациональный долг, обещал отсрочить или вообще отмазать от армии, но Ринат хотел проверить себя в боевой обстановке, да и, по его мнению, парень, не служивший, не испытывавший трудностей армейской службы, вовсе не мужик, а маменькин сыночек.

Подготовка военных извозчиков

После ускоренной подготовки на курсах младших командиров отделения боевых машин в городе Самарканде Узбекской ССР сержанта Сафина с другими однокурсниками отправили в Афганистан военно-транспортным самолётом ИЛ-76М с аэродрома «Тузель», что под Ташкентом.

Сразу же по приезде в часть узнав, где им предстоит служить, эйфория у новичков быстро прошла, так сказать, их спустили с неба на землю.

Построив новобранцев, командир автобата подполковник Соколов спросил:

– Сколько месяцев вас готовили для войны в Афганистане? – И узнав, что их совсем не обучали военным действиям, он в сердцах, с горечью в голосе сказал: – Ну зачем совсем неподготовленных мальчишек со школьной скамьи отправлять на эту бойню?

Новички не совсем ясно представляли и никак не могли понять: ну какая может быть «бойня» с феодальной страной, у которой нет даже централизованной государственности, нет ни одного километра железной дороги, никаких заводов и фабрик, кроме кустарных мастерских? Из-за отсутствия крупных заводов и фабрик рабочий класс был немногочисленным, поэтому костяк вооружённых сил составляли малограмотные кишлачные парни. Какая сила может противостоять сильной Советской армии, которая сломала хребет в то время самой могучей армии в мире – фашизму?

На политзанятиях замполит батальона солдатам и младшим командирам рассказывал, что Афганистан – феодальная страна, количество жителей примерно равняется двадцати-тридцати миллионам. В стране было немало кочевых племён, которые постоянно мигрировали. Самые многочисленные племена – это пуштуны, узбеки, таджики. Каждое племя охраняет свою территорию, и никто никому не подчиняется, никого не признаёт, кроме своего вождя.

Когда Ринату и его сослуживцам сказали, что они будут заниматься перевозкой военных грузов по маршруту Термез – Хайратон – Кабул, они решением командира остались недовольны: не для того они приехали в Афганистан, чтобы выполнять работу извозчика. То ли дело служить разведчиком или спецназовцем. Ринат всё ещё надеялся, что ему удастся попасть в разведку или в десантный батальон, где он сможет проявить себя в самой настоящей боевой обстановке. Когда он ещё раз попытался перейти в спортроту десантником, на такое его желание комбат ответил:

– Очень хорошо, что ты спортсмен, нам в автобате для сопровождения колонн такие спортсмены, как ты, тоже нужны. Ты будешь в одном лице и десантником, и водителем. Так что будет у тебя возможность применить свои спортивные качества в боевой обстановке.

Ринат только потом понял, что в оценке функций военного извозчика глубоко ошибался: доставка и сопровождение военных грузов оказались ещё опаснее, чем служба десантников и разведчиков. Если десантники в операциях участвовали один раз в неделю, а может и в месяц, то военные извозчики рисковали своей жизнью постоянно. Такие поездки выполнялись пять, а иногда и шесть раз в месяц.

Правда, ещё в начале войны эта работа для военных извозчиков особой сложности и опасности не представляла. Были редкие случаи нападения пуштунских племён, самых воинственных и храбрых, не терпящих господства над ними. Но в то время у них ещё не было серьёзного оружия, и поэтому ощутимого ущерба они военным извозчикам не приносили.

Но как только через Пакистан стало поступать вооружение американского, немецкого, итальянского производства, в том числе ПЗРК «Стингер», гранатомёты, миномёты, пластиковые мины и другое современное оружие, ситуация резко изменилась. Со временем появились и наёмные войска – арабские головорезы во главе с американскими и пакистанскими инструкторами.

Американским военным советникам даже в какой-то степени удалось объединить разрозненные афганские племена и вооружить их современным оружием, но у оппозиции как таковой единой армии, единого командования вооружёнными силами не было. А может быть, в такой стране, как Афганистан, где восемьдесят процентов всей территории занимают горы и пустыни, особой необходимости в этом и не было. Да и сама война была не такая, как все войны – ни фронта, ни тыла. Если в ВОВ и других войнах войска, отвоёвывая друг за другом населённые пункты, двигались вперёд, то здесь никто вперёд не стремился, да и зачем куда-то двигаться? Наши войска находились в плотном окружении местного, враждебно настроенного к шурави населения. Попробуй узнай, кто из них душман, а кто мирный житель? Какая народность полюбит чужаков, которые нагло вторглись в их страну и устанавливают свои порядки, свои законы, противоречащие законам шариата? Немало местных жителей днём сотрудничали с представителями революционных сил, а ночью брали в руки автомат Калашникова и принимали участие в войне против «неверных» оккупантов.

Бывало, наши войска с серьёзными потерями завладевали каким-нибудь захудалым кишлаком, но через несколько дней там снова хозяйничали так называемые душманы. Непонятно было, для чего и кому нужен был этот кишлак. А может, это нужно было для того, чтобы показать, кто здесь хозяин? Но шурави в этой стране никогда не были хозяевами. Войска ОКСВА в основном дислоцировались в больших, по местным меркам, городах и населённых пунктах. Даже в тех населённых пунктах, где располагался военный гарнизон ОКСВА, и даже на огороженной колючей проволокой территории воинской части шурави не были в полной безопасности.

Война в Афганистане чем-то напоминала игру в кошки-мышки. Армейские разведчики сообщали командованию, что в горах, в таком-то квадрате, обнаружена большая группировка моджахедов и нужно их уничтожить. Когда десантники добирались до нужной точки, душманов и след простыл. Начиналась погоня за «беглецом». Воспользовавшись таким удобным случаем, душманы на узких горных дорогах устраивали засаду, и такие непродуманные операции для шурави заканчивались большими потерями. Частенько это была хитро спланированная заокеанскими инструкторами операция – заманивание противника в «каменно-огненный мешок».

Борьбе с советскими «захватчиками» способствовали рельеф и климатические условия этой страны. Это узкие горные серпантины: с одной стороны, глубокое ущелье, а с другой – отвесная скала, по которым нашим войскам приходилось перевозить военные грузы. Достаточно было взорвать небольшой участок серпантина, подбить первую и последнюю машины – и, считай, полдела сделано. После того как вся колонна оказывалась в «каменном мешке», можно было устроить камнепад и свинцовый дождь, и с горы прямой наводкой, даже по одному, расстрелять весь состав колонны, что они с успехом и делали.

Достать нападавших, которые сидели высоко в горах за камнями, было крайне тяжело. Попавших в такую критическую ситуацию наших бойцов могли выручить только вертолётчики. Но обеспечить все колонны вертолётным сопровождением командованию было не под силу, так как таких колонн на дорогах Афганистана было множество.

Со временем ни один рейс автоколонны без нападения душманов и гибели наших военнослужащих не обходился. Военные извозчики несли большие потери. Были случаи, когда из колонны в живых никого не оставалось. Днём стояла нестерпимая жара до семидесяти градусов, к тому же нагретые двигатели боевых машин обжигали бойцам дыхательные пути, лицо, руки, а ночью высоко в горах температура воздуха падала до трёх – пяти градусов. В такую невыносимую жару в БМП, БТР и на других машинах невозможно было ехать, не высунув головы, а это – удобная мишень для душманских снайперов.

Земля в Афганистане, как и во всей Средней Азии, глинисто-песчаная. Такого жирного чернозёма, как у нас в средней полосе, там нигде не увидишь. Поэтому при сильном ветре

на дорогах поднимается самый настоящий песчаный ураган. Небо заволакивало мельчайшими песчаными частицами, становилось темно, как ночью, и вокруг ничего невозможно было различить.

Волей-неволей колонне приходилось останавливаться, чтобы переждать бурю, что было под руку нападавшим. Они, воспользовавшись благоприятной ситуацией, не боясь последствий, обстреливали колонну.

Для колонны не менее опасным местом была и зелёнка. Когда колонна проезжала населённые пункты, где росла буйная растительность, было тихо, одним словом, ничего не предвещало беды. Но это была обманчивая тишина. Сидящие на деревьях снайперы за несколько минут, бесшумно, под грохот машин успевали отправить на тот свет несколько наших бойцов. А ввязываться в бой и давать отпор категорически запрещалось, так как доблестные советские войска с мирным населением не воюют. По инструкции, колонне останавливаться в пути строго запрещалось, кроме тех мест, где были дислоцированы военный гарнизон и сторожевые заставы. Следовательно, никакая инструкция не могла предвидеть все ситуации, которые возникали по разным, не зависящим от извозчиков причинам.

Пуштуны – народ чести

В России, к сожалению, до сих пор существуют однобокие представления об Афганистане и её населении. Это очень древняя страна со своими традициями и очень непростой трагической историей.

Самый многочисленный народ – пуштуны – соблюдают «пуштунвали» (кодекс чести). Своеобразный уклад жизни пуштунов, их духовные, нравственно-этические ценности восходят своими корнями к обычному праву (адату) и многим доисламским верованиям. Впоследствии к ним добавились нормы и установления ислама. Все пуштуны ведут свой род от общего прародителя по имени Кайс, которого Мухаммед обратил в ислам. Поэтому пуштуны считают себя мусульманами со времён зарождения ислама и наиболее последовательными почитателями шариата. Основными принципами «пуштунвали» являются: чувство собственного достоинства и национальная гордость; честь, репутация, доброе имя; набожность, добросовестность, порядочность; упорство и целеустремлённость; равенство; компенсация. Афганский этикет требует, чтобы каждый член общества не только говорил, но и соблюдал «пушту», то есть чтобы он был воплощением всей совокупности моральных ценностей, представлений «пуштунвали».

Пуштун должен быть гостеприимным хозяином. Он обязан предоставить убежище любому, независимо, кем он является, другом или его врагом, и соглашаться на предложение о перемирии. Пуштун признаёт право кровной мести. Он должен быть храбрым воином, но при этом обязан соблюдать милосердие. Пуштун должен вырабатывать в себе чувство справедливости, стойкости и готовности до конца защитить собственную честь, честь своих женщин, детей, стариков, больных и немощных. Если он не соблюдает этих правил, его могут изгнать из племени, он и его семья станут беззащитными. В этом отношении показательна следующая афганская поговорка: «Лучше лишиться головы и богатства, чем чести».

Кровная месть в пуштунских племенах носит сугубо избирательный характер. В частности, если к убийству причастен соплеменник, то на него, как правило, не распространяется обязательная плата крови. Однако если убийца принадлежит к другому племени, то пострадавшее племя считает себя физически и морально униженным и на основе принципа талиона стремится восстановить свою честь и достоинство. При этом месть направляется не только на убийцу, но и на любого первого попавшегося под руку представителя племени-обидчика. Время и вопрос исполнения мести для афганца большого значения не имеют. Если отец семейства умирает, не выполнив свою месть, то он обязательно завещает её своим детям. Поэтому кровная месть часто становится тяжёлым наследством, а вражда передаётся из поколения в поколение как самая святая обязанность и долг, возложенный и завещанный предками. А невыполнение кровной мести или решение её мирным путём для племени считается самым большим позором. На кладбище каждого племени на некоторых могилах можно увидеть зелёный флаг. Это означает, что за его смерть соплеменники ещё не отомстили...

* * *

Командованию ОКСВА Москвой было вменено в обязанность заключение с каждым вождём племени сепаратного договора, который давал колонне право беспрепятственного проезда через эти территории. Сбором информации об этих племенах и подготовкой заключения договоров занимались бойцы невидимого фронта – военные разведчики СпН ГРУ. Это в основном были прошедшие специальную подготовку спортсмены из среднеазиатских республик, внешне похожие на местных жителей и владеющие несколькими языками, на которых разговаривают жители Афганистана. Они входили в контакт с вождём племени, предварительно

обговорив условия договора, назначали встречу со специальным представителем командования, где обе стороны расписывались в этом соглашении. Договора заключались на разных условиях: одно племя остро нуждалось в продуктах питания, другое – в одежде, обуви, ГСМ, а третье – в оружии. Оружие давали тем племенам, которые либерально относились к шурави. Доходило до абсурда: племена, воевавшие против наших войск, зимой, попав в трудное материальное положение, когда их семьи умирали от голода, за помощью обращались не к своему президенту и руководству страны, а к командующему 40-й армией. И, надо признаться, ни одно такое обращение без внимания и помощи не оставалось. Всем таким племенам оказывали всемерную поддержку: давали продовольствие, даже под их честное слово, которое они не всегда сдерживали.

Самое страшное для наших бойцов было попасть к душманам в плен. Если племена защищали свою землю, семью от вторжения иноземных войск, то наёмные войска воевали за деньги и своими зверствами старались оправдать доверие заокеанских «спонсоров». Немало было случаев, когда особо кровожадные наёмники, отрубив головы наших бойцов, уносили с собой, чтобы показать «спонсорам», что им не зря платят такие большие деньги. За голову генерала им платили бакшиш в один млн, за офицера – сто тысяч и за голову солдата – десять тысяч американских долларов. Из пяти погибших генералов в Афганистане один молодой генерал в самом прямом смысле потерял голову на поле боя. Соответственно, за такой ценный трофей наёмники получили очень большое вознаграждение.

Сам по себе афганский народ добрый и совсем не кровожадный. А почему же тогда они постоянно воюют друг с другом? Стычки и войны между племенами происходили из-за отсутствия единой централизованной государственности, то есть из-за отсутствия хозяина в стране. Государство как орган власти обязано обеспечить безопасность каждой семьи, каждого племени. Из-за того что афганское государство не в состоянии выполнить свою главную функцию – защиту своих граждан, племена с оружием в руках вынуждены сами защищать свою территорию и своих соплеменников от вторжения чужих племён, иногда и от вторжения иностранных войск. А те племена, кто был не в состоянии себя защитить, попадали в зависимость от других племён, иногда и в рабство. По истории известно, что тысяча лет назад при феодальном строе в многонациональной России удельные княжества также воевали друг против друга, пока царь огнём и мечом не объединил разрозненные княжества и не установил централизованное государственное управление.

При непредвиденных остановках возле населённых пунктов колонну окружала местная детвора, а их в каждом кишлаке было множество. При минусовой температуре многие из них были обуты в галоши на босую ногу, одеты в старьё. И все они за проезд через их территорию у наших бойцов просили бакшиш.

Сердобольные бойцы старались детворе подарить кто что мог. Кому-то из них доставалась банка тушёнки, кому-то – сгущёнка, кому-то – хлеб, сахар, конфеты. Многие из них вкус конфеты и сахара испытали впервые. Некоторые бойцы из жалости отдавали весь свой сухой паёк. В афганских семьях царила несусветная нищета. Сказать, что в Афганистане отсутствуют полезные ископаемые и поэтому они такие бедные, было бы не совсем правильно. Были разведанные месторождения полезных ископаемых, в том числе серы, меди, олова, золота, лазурита, свинца, алмазов и других. Афганистан являлся единственным поставщиком на мировой рынок ценного камня – лазурита, из него ювелиры делают браслеты, ожерелья, перстни. Что удивительно, в стране также есть нефть и газ. С помощью геологоразведчиков СССР в 1967 году на севере страны в районе Шибарган было обнаружено крупное месторождение природного газа, который составлял сто тридцать шесть миллиардов кубических метров. В 80-е годы природный газ из Афганистана в большом объёме транспортировался в Советский Союз. Парадокс в том, что жители страны, которая экспортирует за границу газ, не могут пользоваться этим природным богатством. Даже в столице Кабуле в домах природного газа нет. В мирное время велась и

эксплуатация угольных, алмазных месторождений и некоторых других полезных ископаемых. Перспективы добычи полезных ископаемых в стране затруднены из-за отсутствия не только необходимой горнодобывающей спецтехники, но и транспортной инфраструктуры. Несколько промышленных объектов, построенных с помощью бывшего Советского Союза, из-за отсутствия необходимой техники и специалистов бездействуют.

Дома в основном были слеплены из глины. Зимой если внизу, в субтропиках, было тепло, то высоко в горах морозы доходили до двадцати-тридцати градусов. В домах полы были глиняные, застеленные толстым слоем соломы. Ночью жилища освещались лучиной или свечой.

Чтобы хоть как-то поддержать тепло в жилище, печь топили кизяком, соломой. Другого топлива, как газ, уголь, дрова, не было. Дрова продавали на вес, и в самом прямом смысле слова оно было на вес золота. Таких лесов на многие десятки и сотни километров, как в России, в Афганистане нет. В низинах, у подножия гор растут многочисленные породы деревьев, но у каждого леса есть свой хозяин. Леса занимают всего шесть-семь процентов территории страны. Они сосредоточены прежде всего в восточных провинциях Афганистана. Там растут такие ценные породы деревьев, как сосна, гималайский кедр, дуб, маслина и ореховые деревья. Страна испытывает острую нехватку в древесине, но тем не менее она в основном идёт на экспорт, поскольку её проще сплавлять по рекам в Пакистан, чем через горы доставлять в другие районы страны. Это экономически не выгодно.

А в домах нет ни электричества, ни водопровода. О каких глухих кишлаках может идти речь, когда в самом городе Кабуле бытовые условия горожан мало чем отличаются от кишлачных?

Даже в Кабуле можно встретить продавцов воды с кожаными курдючными мешками. По смертности населения, особенно среди детей, Афганистан в мире занимает лидирующее положение. То, что на их земле находятся советские войска, для племён было даже выгодно. От шурави есть хоть какая-то польза, а что им могут дать свои моджахеды? Ничего, кроме смертей и ещё большей нищеты. Вначале после ввода советских войск, пока в это дело не вмешались страны Североатлантического блока НАТО, многие племена к советским войскам относились лояльно, можно сказать, даже дружелюбно. Да и у наших бойцов воевать с мирным населением, тем более кого-либо убивать, никакого желания не было, поэтому в начале войны крупномасштабные военные действия не проводились. Но тут своё веское слово сказала местная оппозиция. Это она с помощью западных спонсоров подняла племена на борьбу с неверными. Нет, это не народ, а кучка непримиримых, которые раньше были у власти. Их целью было не улучшение жизни простого народа, а вновь захватить власть и прибрать к рукам народное богатство.

* * *

Прежде чем отправиться в свой первый рейс, новички под руководством опытных младших командиров и офицеров, которые неоднократно принимали участие в перевозке военных грузов, прослушали подробный инструктаж и в небольшом автополигоне прошли практические занятия по вождению в горных условиях. Большинство водителей свои водительские права получили перед самым призывом в армию. Соответственно, у многих бойцов автомобильного батальона практического опыта совсем не было. Для них это было романтическим путешествием по экзотическим горным склонам и субтропикам. Они ещё не догадывались, насколько это опасная для жизни и здоровья работа. Потом только поняли, что каждый метр горного серпантин, как и зелёнки, таит большую опасность. Малейшая невнимательность и оплошность при движении стоила им жизни. Колонна при первой же поездке понесла потери. В пятисоткилометровой дороге от Хайратона до Кабула были очень опасные участки, крутые повороты, где небольшая неточность вела к обрыву в глубокую пропасть. Там внизу, как игрушечные машинки, валялось целое кладбище разбитой вдребезги военной техники. В тех

местах, где было одностороннее движение и не было возможности объезда, при поломке, будь то БТР, БМП или большой грузовой машины, их вместе с грузом сталкивали в ущелье. Это была вынужденная мера, так как даже небольшая задержка колонны на таких участках могла привести к потере не только грузов и техники, но и всего личного состава.

И в этот раз перед тем как проехать эти опасные участки, начальник колонны капитан Сорокин, остановив колонну, проводил дополнительную инструкцию, объяснял, что нужно быть предельно внимательным, держать нужную дистанцию, скорость и как проехать эти участки. Тогда ещё сержант Сафин ехал в хвосте колонны и заметил, что его земляк, с которым вместе находились на учебке, ехал впереди него. Заметно было, что он плохо совладает с нервами. Его машина шла неровно: то слишком сильно прижималась к горе, то близко приближалась к обрыву. При очередном крутом повороте в сторону горы его машина, потеряв равновесие, начала заваливаться набок. Он, видимо, растерявшись, надавил на газ и повернул в сторону обрыва. Видя, что машина медленно сползает в ущелье, он хотел выправить машину, опять резко повернул в сторону горы, но тяжёлый груз потащил машину в пропасть. Таким образом, его друг нашёл вечный покой в горах, на кладбище боевых машин, в далёком Афганистане. Несмотря на чрезвычайное происшествие, колонна не остановилась, никто не стал искать труп погибшего солдата. Его просто списали на боевые потери. Его похоронили на родине в Татарстане в цинковом гробу, где вместо хозяина был муляж весом шестьдесят пять килограммов. Поэтому при похоронах открывать гроб «груз 200» строго запрещалось. За этим строго следили сопровождающие груз лица, представители военкомата, также и местные правоохранительные органы.

Для старшины роты Сафина самым трудным занятием было после выполнения задания – доставки груза по назначению, откачать своих подчинённых, то есть привести их в чувства и подготовить к следующей поездке.

Яркое солнце, отработав свою дневную добрую службу, обогрев своими ласковыми лучами всё живое на этом куске земли, с целью дальнейшего выполнения своей благородной миссии поспешило дальше на запад.

Огромное спасибо вам, дорогие алабаи

Акрамжон, хозяин многочисленных отар со своими помощниками – чабанами приехал в овцеводческую ферму, где находился родильный дом для овец, коз и крупного рогатого скота, чтобы узнать, как обстоят дела на местах. Дело в том, что когда овцы и козы рожают в стаде во время выгула, то немало новорождённых ягнят по недосмотру чабанов погибают. За новорождёнными ягнятами охотятся шакалы, гиены, орлы, бывает, даже и лисы съедают беспомощных ягнят. Чтобы уменьшить потери ягнят, недалеко от пастбища было построено несколько родильных домов, огороженных колючей проволокой, где животные после родов в течение месяца находились в спокойной обстановке, под охраной сторожей набирали вес, и только после этого их пускали в стадо.

Пока Акрамжон находился в помещении, он не обратил внимания на то, что его верные помощники – волкодавы-алабаи куда-то запропастились. Обычно они без разрешения хозяина никуда не уходили.

Акрамжон, удивлённый наглостью своих питомцев, с целью наказания за такое непослушание, стал их искать. Потеряв терпение, он во весь голос стал их звать. Через некоторое время вдали послышался голос жоака. Но они почему-то в этот раз галопом не бежали на его зов. Тогда он сам пошёл к тому месту, где они сидели. Когда Акрамжон приблизился к алабаям, то увидел страшную картину: посередине, в окружении волкодавов лежал худой донельзя – кожа да кости, окровавленный человек. Несмотря на бессознательное состояние, крепко прижимая к груди, в руках держал калаш. Что это за человек, сомнений не было – это шурави. Акрамжон подумал, что солдата загрызли его собаки. Но это невозможно. Присмотревшись, он вдали, метрах в десяти – пятнадцати, заметил штук десять тел шакалов с перегрызенным горлом. Акрамжон с облегчением вздохнул: «Слава Аллаху, его подопечные совершили не преступление, а наоборот – подвиг: они защитили человека от кровожадных зверей. Подойдя поближе к солдату, внимательно присмотревшись, понял, что парень находится на грани жизни и смерти. Если ему не оказать немедленную помощь, он погибнет.

Чабаны срочно занесли солдата в помещение, и Акрамжон начал осматривать его. Вид у него был страшный: лицо, руки, ноги были в запёкшейся крови. С левой ноги беспрестанно струилась кровь. Надо было срочно снять ботинки, но как их снять, когда ноги от застывшей крови стали твёрдыми, как полено. Ветеринарный врач Акрамжон имел дело не только с животными, но, когда надо было, лечил и людей. У него были все инструменты, кроме обезболивающего укола. Ничего не поделаешь, придётся оперировать без него.

Осмотрев раненую ногу Рината, Акрамжон первым делом обработал рану, удалил осколки от миномёта, которые лежали на поверхности ноги, а вот осколки на пятке спрятались где-то внутри тела, и он не стал резать по живому. Организм молодого человека мог не выдерживать такой адской боли. Подобные операции делают в больницах только под наркозом.

Через сутки после беспамьяства, когда Сафин пришёл в себя, в глинобитном помещении никого не было. Сначала его обуяла страшная догадка: «Плохи твои дела, старшина, ты попал в плен к душманам. Сейчас начнут над тобой издеваться, будут выкалывать глаза, резать язык, уши». Через некоторое время послышался мужской голос. Показался небольшого роста, лет сорока, мужчина. У него была седая борода. Он, подойдя к собакам, похвалил их, погладил по спине, каждому дал по куску мяса, тихонько им что-то сказал, и громадные волкодавы и их малыши – маленькие алабайчики, как послушные дети, занялись своими собачьими делами.

Ринат первым делом, как только пришёл в сознание, с трудом выговаривая слова, поздоровался со стариком.

Подойдя к шурави, аксакал присел возле Рината, прочитав молитву, с прискорбным взглядом долго смотрел на его измождённое лицо, за сутки поседевшие волосы и, неожиданно

для Рината, обняв его, заплакал. От переизбытка чувств старшина Советской армии тоже заплакал.

Неожиданно для Сафина старик заговорил на узбекском языке:

– Сынок, я по разговору понял, что ты мусульманин, ты узбекский язык понимаешь?

– Да, уважаемый аксакал, я родился и вырос в Узбекистане. Я хоть и не узбек, но этим языком владею в совершенстве.

– А кто ты по национальности, сынок?

– Я татарин, аксакал. Я выражаю вам огромную благодарность за то, что спасли меня от шакалов. Если бы вы мне на помощь не послали своих волкодавов-алабаев, то сейчас я был бы растерзан этими дьяволами.

– Нет, сынок, ты скажи спасибо моим умным собакам. Это они, увидев, как шакалы напали на тебя, ринулись тебя защищать. В это время я находился в родильном доме и даже не заметил их отсутствия. Это уже потом, когда я тебя обнаружил, понял, что, защищая тебя, они вчетвером расправились с целой кучей шакалов.

– Сынок, ты так похож на моего сына Сабиржана, – Акрамжон, не сдержав свои слёзы, продолжил: – Его недавно убили шурави, а может быть, и свои «патриоты». Он после аварии на автодороге, внизу в глубоком ущелье, где автомобильное кладбище, собирал патроны. С проезжающей машины кто-то из ваших, а может, кто-то и из правительственных войск, кинул на него гранату, и моего единственного сына не стало. Я вижу, ты серьёзно ранен, давай-ка я тебя посмотрю.

Он, с трудом сняв с ног запёкшие кровью ботинки, тяжело вздохнул: – Плохи у тебя дела, сынок. Ступня левой ноги перебита, не знаю, что можно будет с ней сделать. Я сам по профессии ветеринарный врач, попробую спасти твою ногу. Как бы её не пришлось ампутировать.

Он в течение месяца, приложив все силы, лечил ногу Рината разными мазями, травами. Его организм был физически истощён. Чтобы восстановить силы, поил его жирным овечьим молоком, каждый день кормил свежим супом из баранины. Чтобы скорее поставить его на ноги, он на время даже забросил свои дела. Вечером, сидя возле него, каждый день рассказывал историю своего рода. «Меня зовут Акрамжон, я из рода Исламбековых, до революции мы жили в Узбекистане, недалеко от границы с Афганистаном, в кишлаке под названием Халкабад.

До революции мой дед был богатым скотоводом. У нас были многотысячные стада лошадей, верблюдов, овец, коз, коров и другой живности. После революции, когда началось раскулачивание состоятельных хозяйственников, стали отправлять на Дальний Восток в Бодайбо, весь наш род Исламбек-хана со всем скотом перебрался в Афганистан. Вот с тех пор мы живём здесь, но связи со своими родственниками в СССР мы не теряем. Наш род здесь является одним из могущественных. Ахмад Шах Дустум является моим родственником. Мы все занимаемся разведением скота и выделкой шкур, шитьём дублёнок, шуб, унтов. Пока шурави не ввели войска и не начали войну против мирных жителей, дела у нас шли хорошо. С началом войны у людей появилось много оружия, мародёры стали угонять наш скот. Мало того, ещё на наши стада нападают волки, шакалы и гиены. Из всех зверей самые коварные и хитрые – шакалы и гиены. С началом войны с шурави шакалов и гиен расплодилось несметное количество. Эти твари очень хитрые и опасные, они на стадо нападают одновременно с четырёх сторон. Пока мои алабаи одних отгоняют, другие успевают задушить несколько баранов. А защитить свой скот у нас не хватает оружия. Как хорошо было бы занять хотя бы один калаш. Но где его достанешь? Правда, кое-кому из скотоводов удалось его купить у шурави, но он уж очень дорого стоит. Цена одного калаша достигает цены десяти коров или японской машины. Сын, пока живой был, на кладбище военной техники собрал несколько вёдер патронов от калаша, даже несколько пистолетов Макарова, а вот автомата Калашникова у меня никогда не было».

* * *

После долгого лечения ноги разными мазями и травами Ринату стало лучше, а вот опухоль на пятке никак не проходила. Было похоже, что осколок сидит где-то глубоко в ноге. Вполне возможно, что задета кость. При нажиме на пятку левой ноги всё тело пронизывала адская боль. Несмотря на это, он всеми силами старался разработать ногу, думал, что это временное явление и в скором времени нога восстановится.

Акрамжон его как дорогого гостя потчевал бараниной, готовил разные узбекские блюда: плов, димлама, манты, самса, чучвара.

Время от времени Акрамжону стало казаться, что этот парень и есть его родной сын. Аллах ему послал Рината, чтобы облегчить его страдания.

Со временем здоровье Сафина стало восстанавливаться, однако его сильно беспокоила левая нога. Сафина день и ночь терзала одна мысль: нужно скорее добраться до своей части. Но в данный момент об этом и речи не могло быть. Он попросил своего благодетеля сделать ему инвалидные костыли.

Несмотря на то что по летнему пастбищу передвигался на одной ноге, без дела не сидел. Ринат как-то в сарае обнаружил несколько небольшой мощности неисправных дизельных генераторов. Покопавшись в них, он пришёл к выводу, что, даже не имея к ним запчастей, при большом желании из двух-трёх агрегатов один можно восстановить. И это ему удалось: из трёх дизельных станций две были отремонтированы. Увидев работающие генераторы, Акрамжон несказанно обрадовался. А они ему очень даже были кстати, так как для хранения лекарств и скоропортящихся продуктов в холодильнике нужна была электроэнергия.

Самой большой бедой для летних пастбищ были нападения волков, шакалов, гиен. Иногда появлялись и медведи. Если для зверей помельче, чтобы проникнуть на территорию пастбища, препятствием была колючая проволока, то для медведя это не было проблемой. Онинесли большой урон стадам, поэтому чабанам нужно было быть готовыми отразить нападения целой стаи волков, шакалов, гиен, которые нападали на стадо с четырёх сторон. У чабанов основным оружием были старые охотничьи берданки, которые стреляли в лучшем случае через раз.

Узнав об этих бедах чабанов, Сафин решил, как и в армии, разработать план отражения нападения хищников. Первым делом он произвёл ревизию оружия, а также почистил их, смазал, чтобы при стрельбе исключить осечки. Привёл в порядок свой калаш. С чабанами провёл уроки ликбеза, то есть обучил их, как правильно действовать в критических ситуациях. Старшина автобата прекрасно понимал, что, ничего не зная про врага, его невозможно победить.

Обычно хищники на стадо нападают в ночное время, и поэтому отразить атаку непросто, так как в темноте обнаружить их бывает почти что невозможно. Чтобы ночью по хищникам не стрелять вслепую, Ринат попросил Акрамжона привезти большие фонарики – прожекторы на аккумуляторных батареях.

И вот час икс приближался. Чабаны в окрестности заметили большую стаю волков. Они об этом сообщили Ринату. Он, с трудом пробравшись на каланчу, несколько дней через бинокль исследовал ближайшие горы, овраги, пещеры. Вначале ничего подозрительного не было замечено. С мыслью, что отарам ничего не угрожает, он хотел уже спуститься с каланчи, как вдруг недалеко от ранчо за камнями заметил вражеского четырёхногого разведчика, который, спрятавшись за валунами, внимательно изучал объект нападения. «Надо же, прямо как на войне, – подумал старшина, – у волков есть даже своя разведка, эти хищники умные, сломя голову, спонтанно не нападают». Противник очень даже опасный, если этим хищникам не дать достойного отпора, то они могут разорить любую скотоводческую ферму. Эти звери, особенно волки, опасны тем, что они не довольствуются малым. Для трёх-четырёх волков, чтобы насы-

тяться, хватило бы и одного барана, но, оказавшись в своей стихии в стаде, они мясо не кушают, а пьют кровь своей жертвы, так как кровь намного калорийнее мяса. Таким образом, один волк может загрызть до десяти, иногда и больше баранов. По армейской привычке, тщательно проанализировав ситуацию, старшина Сафин решил дать им достойный отпор.

Сынок, там сидят гранатомётчики

По ВАД стратегического назначения Термез – Хайратон – Кабул не прекращается движение автоколонн. День и ночь одна за другой следуют тяжёлые машины, гружённые военной техникой, боеприпасами и продовольствием. Колонны с грузом движутся в южном направлении на Кабул, а другие, выгрузившись, порожняком следуют обратно на север – в Термез и Хайратон за таким же грузом.

Перед поездкой командир батальона подполковник Соколов командиром колонны назначил молодого неопытного лейтенанта Кличко, который ни разу не участвовал в таких поездках, а заместителем начальника колонны назначил старшину автобата Сафина.

Лейтенант Кличко, когда пришёл служить в часть, с первого взгляда не понравился Ринату. Вспыльчивый, не терпящий возражений, он был физически развитым, накачанным парнем. Он не привык решать спорные вопросы мирным путём, что приводило к постоянным конфликтам с сослуживцами. Неуживчивость, неспособность находить общий язык со своими подчинёнными являлись причиной его отставания в карьерном росте. Несмотря на то что срок получения очередного звания старшего лейтенанта давно прошёл, он до сих пор ходил в лейтенантах. Причиной этого являлось также и грубое нарушение воинского устава. Он неоднократно жестоко избивал своих подчинённых. Сафин несколько раз замечал, что Кличко рядового Харина время от времени посылает в ближайший дуكان (киоск). Ринат сначала думал, что за сигаретой, но потом, когда увидел, как они, спрятавшись за машинами, курят анашу, понял, что этот офицер и подчинённый солдат пристрастились к наркотикам.

Когда комбат, вызвав Сафина, объявил о своём решении назначить Кличко командиром колонны, а Рината – заместителем, то Сафин намекнул, что Кличко ненадёжный офицер и было бы желательно вместо него в рейс отправить другого офицера, на что Соколов сказал:

– Я тебя понимаю, товарищ старшина, но у меня другого выхода нет. В данный момент его заменить нечем. Но, в конце концов, когда-нибудь он должен же ездить с колонной в Хайратон. Не на курорт же он сюда приехал. Так что, Ринат, ты опытный боец, тебе много раз приходилось ездить в колонне, эту автотрассу ты знаешь, как свои пять пальцев, и я надеюсь, что ты не подведёшь. Проконтролируй его действия, в критических ситуациях возьми руководство колонной на себя.

Большее половины дороги колонна проехала без особых происшествий. Вроде бы всё складывалось удачно. Когда проезжали населённый пункт Нангархар, где проживали пуштунские племена, колонна резко остановилась. Лейтенант Кличко ехал впереди колонны, а Сафин ехал в группе сопровождения, в конце. Все водители с нетерпением ждали, когда колонна опять двинется в путь, так как они прекрасно знали, что задержка в зелёнке – это ЧП, и может закончиться для колонны трагически.

Предчувствуя что-то нехорошее, старшина роты Сафин побежал к головной машине. Когда он приблизился к машине охранения, то увидел такую картину: возле трёхэтажного здания населённого пункта располагался рынок, дорогу перегородила большая толпа местных жителей, среди них были женщины с грудными детьми, маленькие дети и глубокие старики. Все они возмущённо о чём-то кричали, подняв руки к небу, причитали, что-то требовали, кричали «вайдот». Правда, у них в руках оружия не было. Некоторые из них были вооружены кто чем попало. У кого-то в руках был топор, у кого-то – лопата или деревянная дубинка. Видно было, что они с шурави воевать не собираются, но тем не менее они были настроены враждебно.

Это местечко для колонны считалось одним из самых сложных. Заместитель комбата по безопасности дорожного движения сам лично перед отправкой колонны в путь инструктировал начальника колонны и его зама. Была разработана подробная карта этой военной автомобиль-

ной дороги. Там были указаны все опасные для продвижения места. Нангархар также считался опасным населённым пунктом. Дорога проходила совсем рядом с базарной площадью, так как объездной дороги не было. Здесь постоянно народ кишмя кишел. Тут каждый день случались по несколько ДТП, частенько со смертельным исходом. По инструкции, командир колонны обязан был замедлить, не останавливая движение, чтобы освободить дорогу впереди колонны и направить двоих-троих солдат, которые должны были предпринять все меры, чтобы никто из жителей, в том числе и бродячий скот, не попал под машины, но Кличко не только впереди колонны не поставил наряд, колонна даже не замедлила своё движение, а наоборот, решил на большой скорости проехать этот населённый пункт. Этот его опасный манёвр привёл к ДТП с двумя человеческими жертвами.

На большой площади собралось много народу. Несколько крепких мужчин с двух сторон за руки цепко держали окровавленного молодого солдата в полевой форме Советской армии. Он, увидев своего командира, старшину батальона Сафина, заплакал как маленький ребёнок:

– Товарищ старшина, ради Аллаха, освободите меня от душманов, они хотят меня убить. – У него из глаз ручьём текли слёзы. Он без сил повис на руках двух мужиков.

Впереди толпы выделялся молодой парень в полевой куртке. Он рядом стоящему старику что-то возмущённо доказывал, в чём-то его убеждал, но старик с седой бородой отрицательно качал головой.

Перед толпой стоял лейтенант Кличко с двумя автоматчиками и, угрожая оружием, крыл толпу русским матом, требуя освободить солдата и дорогу. Видно было, что он ведёт себя неадекватно. «Наверное, опять обкурился», – подумал Сафин. Не понимая, в чём суть конфликта, Ринат обратился к Кличко:

– В чём дело, товарищ лейтенант, почему они дорогу перегородили, чего они хотят?

– А ты, старшина, пошёл отсюда, не лезь не в своё дело, я сам решу этот вопрос. Я покажу, заставлю этих сволочей уважать советского солдата. Я их сейчас сотру в порошок, будут знать, с кем имеют дело.

Ринат, всё ещё не понимая, огляделся вокруг и на обочине дороги увидел страшную, душераздирающую картину: там лежала раздавленная тяжёлой машиной молодая женщина, а недалеко от неё – мёртвый грудной ребёнок, вместо головы у неё было окровавленное месиво, а рядом с трупом женщины сидели трое плачущих маленьких детей. Его особенно удивило то, что стоящий рядом с ним молодой человек снимал всё происходящее на японскую видеокамеру. «Похоже, это заранее запланированная провокация», – подумал Сафин. Как позже стало известно, американские пресслужбы во всех западных странах несколько раз показывали по телевидению именно этот сюжет: как «советские захватчики» убивают мирных жителей – насмерть танками давят женщин с грудными детьми.

Только тогда он понял, что этот молодой водитель насмерть задавил многодетную мать с грудным ребёнком.

«Да, дела принимают очень нехороший оборот», – подумал Сафин, и тут же его взгляд упал на крышу соседнего дома: там несколько гранатомётчиков, замаскировавшись, сидели в боевой готовности и ждали сигнала открыть огонь по колонне.

На первый взгляд колонна считалась не особо опасной. Но это было не так. Под видом ширпотреба, для конспирации, в середине колонны был спрятан ООГСН (боеприпасы: в том числе снаряды, мины, патроны). Стоит появиться небольшой искре, и вся колонна за доли секунды может взлететь на воздух.

А тут Кличко всё больше распалялся. Он, уже размахивая огромными кулаками, всё сильнее напирал на толпу.

– Я вам, проклятые душманы, сейчас всем руки-ноги поломаю. А ты, сраный джигит, если такой смелый, иди сюда, поборемся с тобой. – Он с угрозой двинулся на парня в кожаной куртке.

– Товарищ лейтенант, успокойтесь, пожалуйста. – Ринат, такой же здоровый парень под два метра ростом, с трудом отеснил Кличко от толпы. – Это пуштуны, с ними нельзя таким тоном разговаривать, они не терпят унижения и высокомерного обращения. Посмотрите на крышу соседнего дома, там гранатомётчики сидят. Если сейчас же не уладим конфликт, то всем нам кранты. Стоит этому джигиту махнуть рукой, и вся наша колонна взлетит на воздух.

При критической ситуации, если дело дойдёт до рукопашной, уже не имея другого выхода, несмотря на то что местные племена были против войны с шурави, эмиссар из Пакистана мог дать сигнал своим бойцам о нападении.

Кличко, чтобы убедиться, что старшина говорит правду, посмотрел на крышу дома и обомлел от страха. Его бравада и показная храбрость исчезли в мгновение ока.

– Что будем делать, старшина?

– Товарищ лейтенант, позвольте мне решить этот конфликт.

– Действуй, Сафин, все полномочия начальника колонны передаю тебе. – Видимо, чтобы снять с себя ответственность, он добавил: – Только учти, за безопасность колонны теперь отвечаешь ты. – Он, довольный, что избавился от такой нехорошей миссии, пошёл к своей машине пить афганский ширбат.

Ринат первым делом с поклоном обратился к аксакалу и всей толпе.

Толпа, услышав слова приветствия из священного Корана, притихла.

– Мира и здоровья вам, вашим семьям и близким, – продолжил Сафин.

После этого аксакал через переводчика спросил:

– Сынок, я вижу, что вы мусульманин. Кто вы по национальности?

– Уважаемый аксакал, я по национальности татарин, соответственно, я чту мусульманскую веру – ислам. Я владею татарским, узбекским, казахским, киргизским, русским языками, понимаю и по-английски.

– Очень хорошо, уважаемый господин шурави. Я тоже хорошо понимаю и разговариваю на узбекском языке, – сказал он по-узбекски. – Давайте мы с вами поговорим без свидетелей. – Они отошли в сторону.

– Уважаемый аксакал, – сказал Ринат, – подскажите, пожалуйста, как нам мирным путём решить эту трагедию?

– Сынок, – сказал старик, – меня зовут Исламбек, я являюсь акыном, или, по-вашему, старостой нашей махалли. Я отвечаю за безопасность и благополучие каждой семьи и обязан защищать каждого жителя. Так вот, вы, наверное, сами видели, ваш водитель насмерть задавил многодетную женщину с ребёнком. У неё пятеро маленьких детей остались сиротами. Вы, наверное, слышали, что у нас, пуштунов, издревле существует кровная месть. Думаю, вы понимаете, что это такое: это зуб за зуб, око за око, смерть за смерть. Этот суровый, но справедливый закон из поколения в поколение пуштунскими племенами соблюдается неукоснительно. И, надо признаться, этот закон свою миссию выполняет сполна, он является сдерживающим фактором при конфликтных ситуациях. Поэтому, хотите не хотите, чтобы не допустить большого кровопролития, виновника преступления вы должны отдать в руки нашего правосудия. В данном случае это шариятский суд.

От этих слов старшину роты прошиб холодный пот, у него задрожали руки, закружилась голова, как будто его самого приговорили к такой экзекуции.

А виновника этого преступления и искать не надо было: на колёсах его машины прилипли куски органов этой несчастной женщины и её ребёнка. Водителем этой машины был рядовой Каримов Фарит – его земляк, салага, неопытный, прослуживший всего несколько месяцев щупленький паренёк. Это была его первая поездка. Видимо, растерявшись, он потерял управление и наехал на эту женщину. Вполне возможно, что это была заранее спланированная провокация, подстроенная людьми агента из Пакистана.

Когда старшина Сафин комплектовал колонну, не хотел его брать в рейс, но вынужден был из-за нехватки опытных водителей. Если он сейчас отдаст этого совсем ещё ребёнка на растерзание, это для него на всю жизнь останется несмываемым позором и сердечной болью. Виновника могут повесить, расстрелять (это считается сравнительно лёгкой смертью), а за две смерти в пылу гнева толпа может и растерзать.

Недавно, две недели назад, на имя старшины автобата Сафина пришло письмо из его родного города от Комитета солдатских матерей, откуда призвались рядовой Каримов и ещё несколько бойцов. Они старшине Сафину выражали огромную благодарность за отеческую заботу об их сыновьях и молили его беречь их детей и дальше. Между Комитетом солдатских матерей и старшиной автобата завязалась тёплая переписка. В ответном письме он их заверил, что приложит все силы, чтобы их дети к своим матерям вернулись живыми и здоровыми. Если сейчас он своего земляка отдаст на растерзание пуштунам, то как он посмотрит в глаза матери этого солдата? Лучше самому погибнуть, чем испытать такие муки. За этот проступок до конца жизни ни перед Богом, ни перед родными Каримова ему не будет оправдания.

А может, сам Всевышний послал ему это тяжёлое испытание, чтобы проверить его моральный дух и человеческие качества? В данный момент старшина автороты оказался между двух огней: с одной стороны, жизнь одного солдата, а с другой – благополучие всей колонны в количестве ста бойцов.

– Господин командир, – продолжил аксакал, – нам этот вопрос нужно решить немедленно, прямо сейчас же, иначе будет поздно. Сынок, я вижу, ты ещё не оценил ситуацию. Внимательно посмотри на крышу соседнего дома, там сидят гранатомётчики с Пакистана, эти головорезы с гранатомётами ждут от эмиссара сигнала к нападению. Вот этот молодой человек в кожаной куртке является командиром этой наёмной группы. Он эмиссар бандгруппы, пришёл агитировать пуштунов воевать против шурави. Но мы не хотим с вами воевать. У него небольшая группировка, и поэтому против нашей воли, без нашей поддержки они на вас нападать не посмеют. У нас есть договорённость держать с вашим командованием нейтралитет. Мало того, мы гарантируем безопасное продвижение ваших колонн через наши земли. Взамен мы также получаем от вас помощь.

Большое спасибо вашему командующему армией Ермаку (командующий 40-й армией генерал-лейтенант Ермаков). В прошлую зиму, когда мои соплеменники умирали от голода, не Пакистан, не Иран, а именно он дал нам хлеба, крупы, одежды, обуви, тем самым спас нас от смерти. Если сейчас по вашей вине произойдёт вооружённое столкновение, то потери с каждой стороны будут большие. Я чётко представляю: при нынешней ситуации ваша колонна находится в очень опасном положении, в течение нескольких секунд колонна может взлететь на воздух. В итоге также пострадают и мои соплеменники. В случае кровопролития и гибели ваших бойцов, прилетят ваши вертолёты и самолёты, произведут ракетный удар, и от нашего кишлака останется мокрое место. Таких случаев в последнее время было немало. Поэтому этот конфликт нужно решить малой кровью – смертью одного человека, а не всей вашей колонны, и тем самым мы выполним «пуштунвали». Если сейчас мы решим этот конфликт мирным путём, то обещаю, колонна ваша не пострадает. Вы, господин командир, о принципах и правилах «пуштунвали», наверное, не слышали и не знаете, что это такое.

Не зная, что предпринять и как выйти из этой тяжелейшей ситуации, чтобы спасти от верной смерти своего подчинённого, старшина Сафин начал прокручивать все варианты решения этого проклятого конфликта. Он предстал перед неразрешимой проблемой: как спасти от смерти своего подчинённого, не допустив нападения на колонну гранатомётчиков, тем самым сохранить военное имущество, безопасность колонны и водителей боевых машин, а также не нарушить закон «пуштунвали».

Услышав из уст аксакала слово «пуштунвали», Сафин вспомнил о своде законов этого племени и сказал:

– Простите меня, уважаемый аксакал, но я ещё у себя на родине подробно изучил и хорошо знаю ваши законы и обычаи, в том числе и «пуштунвали». У каждого народа своя конституция, свой свод законов, и только сам народ решает, по каким правилам им жить. Находясь на вашей земле, мы также стараемся соблюдать ваши законы. К сожалению, не все наши шурави придерживаются этих правил. В «пуштунвали» написано, что пуштун должен быть храбрым воином и признавать право кровной мести, но при этом он обязан быть милосердным.

В данной ситуации, пользуясь законами «пуштунвали», я прошу вас в отношении бойца, виновного в гибели вашей соотечественницы, не применять принцип кровной мести, а проявить к нему милосердие. Мы со своей стороны пострадавшей семье компенсируем ущерб. Оттого что вы убьёте этого парня, оставшимся сиротам никакой пользы не будет, а для матери погибшего бойца это будет огромным горем.

Старик, услышав из уст парня эти слова, проникся к нему большим уважением. Ему и самому не хотелось лишать жизни этого солдата, но жестокие правила «пуштунвали» от него требовали принять равноценные этому преступлению меры. Если он сейчас не защитит честь и достоинство своего племени, то это на него и его племя ляжет позорным пятном, и ничем его не сотрёшь, к тому же это за собой повлечёт всеобщее презрение как со стороны его соплеменников, так и других племён.

– Сынок, – сказал аксакал Ринату, – ты храбрый, мужественный воин, как настоящий командир, защищаешь своего подчинённого. Сынок, я с твоим предложением согласен на сто процентов, но последнее слово остаётся за родными погибшей женщины. Я им сообщу о вашем предложении. Родственники погибшей женщины от вас могут потребовать неподъёмную компенсацию, поэтому по секрету скажу, этой семье достаточно дать пять мешков муки, риса, сахара, а также стиральный порошок, соль, спички. Не скупитесь. Это будет благородно с вашей стороны. Аллах вас в будущей жизни за это отблагодарит. В трудную минуту Всевышний и вам также придёт на помощь.

Сейчас Сафин оказался меж трёх огней: к предыдущим проблемам прибавилась статья за разбазаривание военного имущества, а это – прямая дорога в дисбат.

Старшине Советской армии впервые в своей жизни пришлось, как заядлому торгашу на базаре, торговаться с родственниками погибшей. Как тут не торговаться, ведь он распоряжается не своим личным, а государственным военным имуществом.

В конце концов переговоры прошли успешно. Когда старшина автобата из рук пуштунов вызволил «пленника», от всего пережитого в его чёрных, как смола, волосах появилась седина. Он, упав на землю, обнял ноги своего спасителя и, не веря в происходящее, безудержно рыдал.

Сафин прекрасно понимал, что за разбазаривание военного имущества ему придётся ответить по всей строгости советских законов.

Показательный детдом

В этом заведении, которое располагалось на окраине города, на первый взгляд всё было идеально. Большая территория была огорожена высоким забором, а на проходной круглосуточно дежурил секьюрити. Здесь был железный порядок. Сюда вход посторонним был строго запрещён, а выход воспитанникам – только по разрешению самой Бандерши, как за глаза называли директора детдома Элеонору Ашотовну обитатели этого закрытого заведения.

Здесь так же, как и на зоне, ходили строем и пели патриотические песни. Для непослушных и нарушителей дисциплины успешно функционировал карцер, который представлял из себя неотопливаемое помещение без окон, где «воспитатели» из непослушных «маленьких преступников» ремнём выбивали всю дурь, после чего они становились шёлковыми. По правилам, которые установили уже сами детдомовцы, для неподдающихся воспитанию детей была своя иерархическая лестница, среди которых были даже «неприкасаемые». Их место было возле параша – возле дверей или в тёмном углу комнаты. С такими запрещалось не только дружить, но даже общаться. Учреждение, чем-то напоминавшее колонию для несовершеннолетних, было известным на всю область показательным детским домом для трудновоспитываемых детей.

Воспитанники детдома славились своими спортивными, трудовыми успехами, и в учёбе они были на передовых ролях.

Сюда привозили целые делегации, чтобы перенимать такой «передовой» опыт. Посетители, увидев на территории детдома идеальную обстановку, поражались чистоте, порядку и дисциплине. Воспитанники детдома ходили по струночке. Членов делегации интересовал только результат, а вот каким образом всё это достигалось, то, что у этих детей не было детства и нормального человеческого отношения со стороны воспитателей, их мало интересовало.

Территория была разделена на две части. На одной были расположены два двухэтажных здания и несколько подсобных помещений, а на другой – подсобное хозяйство с теплицей, где выращивали огурцы, помидоры, лук, чеснок и зелень, и картофельное поле. Была хорошо оборудованная спортплощадка, где ежедневно по распорядку дня все, без исключения, усиленно занимались спортом.

Рядом с детским домом располагался городской парк отдыха, где счастливые молодые мамы на красивых колясках катали свои сокровища – маленьких малышей.

По установленным жёстким правилам детского приюта, детям выходить за пределы территории строго запрещалось. Правда, как исключение за хорошую работу и примерное поведение можно было получить увольнительное – двухчасовое посещение парка, но только с жёстким условием: за пределы парка – ни ногой.

Чтобы получить это увольнительное, нужно было совершить небольшой подвиг. Все дети хотя бы изредка своим трудом старались получить разрешение сходить в парк и посмотреть, как нормальные люди живут на воле.

Одиннадцатилетней Лене Сакирко приходилось лезть из кожи вон, чтобы получить это заветное разрешение и изредка посетить парк. Вот сегодня ей посчастливилось: наконец она сидит в парке и любит, как мальчишки играют в мячик, девчонки прыгают со скакалкой, а взрослые культурно отдыхают, сидят на скамейке и читают газеты, книги. Глядя на этих счастливых детей, она так им завидовала, мечтала, что когда-нибудь и у неё появится такая возможность.

Большинство детдомовских детей были сиротами при живых родителях. У многих из них родители были алкоголиками, а у некоторых были и бабушки, дедушки, дяди, тёти, братья, сёстры. Но они никому не были нужны.

Правда, к некоторым детдомовцам иногда, в перерыве от пьянок, изредка приходили горе-мамаши, они обильно лили крокодиловы слёзы и опять пропадали на несколько месяцев, даже годы. Этим горе-родителей, какими бы пропащими людьми они не были, дети по-своему любили и с нетерпением ждали их прихода. Хоть детей дома и били, не кормили, всячески обижали, тем не менее они стремились домой к своим непутёвым родителям.

Есть такое понятие – родительская любовь. Любому малышу она нужна как глоток воздуха, как кусок хлеба.

Дети подразделялись на несколько категорий: отказники, от которых мамы отказались ещё в роддоме; неблагополучные – дети из неблагополучных семей-алкоголиков, среди них были дети и из нормальных семей, родители которых свои обязанности переложили на плечи государства; дети-подкидыши, которых мамы оставляли умирать в лесу и в поле, некоторых выбрасывали в помойную яму. У отказников была хоть какая-то надежда узнать о своих предках, а вот у подкидышей вероятность найти родителей или хоть кого-то из родни равнялась почти нулю. Правда, случались чудеса, через много лет состарившиеся предки их находили, но такая запоздалая встреча сиротам радости, тем более счастья не приносила.

Среди детдомовцев, пожалуй, не найдётся ни одного ребёнка, который не хотел хотя бы издали посмотреть на маму, которая подарила ему жизнь.

Лена с огромным вниманием и завистью наблюдала за игрой детишек. «Интересно, – думала она, – хоть одним глазком посмотреть бы, как дети с родителями в домашней обстановке живут». Она от взрослых слышала, да и в кино видела, у многих «домашних» детей имеется своя отдельная комната, свои игрушки, телевизор, магнитофон. Это ведь, наверное, какое счастье жить в своей семье, быть свободной, никто тобой не командует, хочешь – готовь уроки, хочешь – играй на улице, хочешь – смотри телевизор.

И самое главное, они постоянно испытывают родительскую любовь. А это чувство сродно солнцу и воздуху не только для детей, но и для всех людей, без которых жизнь на земле невозможна.

А у них в детдоме всё по-другому. Здесь всё как у солдат в армии, всё по распорядку, ни минуты свободного времени, весь день приходится пахать как ишак, мало того, ещё заставляют по плацу маршировать, петь патриотические песни, до упаду заниматься бегом и разными физическими упражнениями, чтобы на соревнованиях и конкурсах завоевать первое место. К тому же ещё нужно готовить уроки. За полученные двойки, даже и тройки, воспитатели наказывают строго – сажают в карцер.

КЫЗЫМ, ТЫ МОЯ ВНУЧКА

– Доченька, можно я рядом присяду? – Лена, очнувшись от своих невесёлых мыслей, рядом с собой увидела модно одетую, со следами былой красоты женщину.

– Пожалуйста, садитесь, тётенька, здесь свободно, – ответила Лена приветливо.

– Скажи, доченька, ты по документам Сакирко Елена?

– Да, а откуда вы меня знаете? – спросила Лена взволнованно.

Женщина несколько минут, не отрывая своего взгляда, смотрела на Лену, а потом, резко обняв, начала её без конца целовать, а потом долго, не отпуская её из своих объятий, молча плакала. В её взгляде была огромная любовь к этой девочке, большое горе из-за невозможности исправить содеянное.

Лена, ничего не понимая и не зная, как ей поступить в этой ситуации, сидела в объятиях этой незнакомой женщины. Она также в ответ своими тонкими ручонками обвила её шею. Ей в эти минуты было безумно хорошо. За всю её сознательную жизнь, с самого дня рождения, как она себя помнит, никто её ни разу не обнял и не поцеловал. О материнской ласке она и понятия не имела. Других красивеньких малышей воспитательницы частенько брали на руки, обнимали, целовали, а вот её, страшенькую, никто не хотел ласкать. В такие минуты она всё равно в душе надеялась и ждала, что хоть один раз кто-то обратит на неё внимание, возьмёт её на руки и, как других детей, обнимет, прижмёт к груди, но до сих пор такого желания ни у кого не появлялось.

Но вот, наконец, сегодня её мечта сбылась: она находится в нежных объятиях чужой тётеньки. Она готова была находиться в таком блаженном состоянии бесконечно.

– Доченька, почему ты такая худая, прямо кожа да кости, тут вас совсем не кормят, что ли? – с дрожью в голосе спросила женщина, обнимая её всё крепче и крепче.

– Тётенька, мне здесь так плохо, – сказала Лена, рыдая, – все надо мной постоянно издеваются, бьют. Заставляют меня выполнять всю грязную работу. В шутку в мой стаканчик с чаем сыплют соль, а в суп – перец, и я частенько остаюсь голодной и постоянно хочу кушать. Я маленькая, худенькая, поэтому дать им отпор у меня сил не хватает. Меня обзывают уродиной, а старший воспитатель Клаша-палач меня называет жертвой неудачного аборта.

У Клаши-палач (Клавдию так называли между собой детдомовцы) своих детей не было, и, видимо, поэтому она ненавидела всех детей, без всякой причины могла своей тяжёлой рукой отхлестать – бить по лицу не понравившего ей малыша, даже сажать в карцер. Дети боялись её как огня и старались не попадать в поле её зрения.

– У меня нет подруг, со мной никто не хочет дружить, – продолжала Лена свой рассказ. – Таких, как я, в нашей группе три девчонки. Нас называют неприкасаемыми подкидышами.

Услышав эти слова, у женщины из глаз ручьём потекли слёзы.

– Тётенька, а вот та девочка что кушает? – спросила Лена.

– Как я вижу, она кушает мороженое, – ответила женщина.

– А мороженое, наверное, вкусное?

– А ты что, ни разу не пробовала мороженого?

– У нас в детдоме кушать мороженое запрещено, говорят, что это вредно для здоровья, что дети от мороженого болеют и могут отравиться.

– А вы мне мороженое купите и, если можно, вкусный пирожок?

– Что же это я сама не догадалась? – воскликнула женщина. – Сейчас, доченька, я тебе куплю много мороженого и вкусных пирожков. – Буквально через десять минут перед Леной был целый набор мороженого, пирожков и шоколада.

Лена, не веря своим глазам, начала с жадностью кушать всё, что было перед ней.

Через полчаса она, насытившись, спросила:

– Тётя, а вы про мою маму ничего не знаете? – спросила Лена уже второй раз, с трудом сдерживая своё волнение. Она каким-то шестым чувством поняла, что эта женщина неспроста к ней подошла. Должно быть, она имеет какое-то отношение к её маме.

– Доченька, если сейчас я тебе расскажу всю правду о тебе и твоей маме, то это для твоей неокрепшей души будет огромным ударом, к тому же после этого ты на всю жизнь возненавидишь свою бабушку.

– Тётя, ради бога, я прошу вас, расскажите мою историю, как я сюда попала, кто мои родители, бабушка, дедушка? Я так хочу о них что-нибудь узнать. А свою маму, папу, дедушку, бабушку я уже давно простила. Я у Марьи Васильевны, она у нас самая старая воспитательница, о себе расспрашивала. Она лишь сказала, что я, должно быть, из богатой семьи, так как лежала в дорогой коляске возле дверей дома малютки и была завернута в дорогое одеяло, распашонки. В коляске был набор для новорождённого и довольно большая сумма денег. Была ещё записка с просьбой принять ребёнка в дом малютки.

– Доченька, хоть я и не хочу тебе об этом рассказывать, но перед смертью я должна покаяться в содеянном. Доченька, я тяжело больна, мне неизвестно, сколько мне ещё осталось жить на этом свете. Я много раз сюда приезжала, искала и никак не могла тебя найти. Вот, наконец, слава Аллаху, я нашла тебя, родимую. – Она опять неистово начала её целовать.

Женщина, тяжело вздохнув, собрав свою волю в кулак, тихим, дрожащим голосом начала рассказывать:

– Это была дружная, благополучная во всех отношениях семья, и они жили в городе, в Поволжье. Хозяина этой семьи звали Мансуром. Мансур Мустафин в городе был большим начальником – хозяином этого города. В то время эта должность называлась «председатель горисполкома». У него была жена по имени Лейла и дочь на выданье – Лиана. Он в них души не чаял. Они жили в достатке в богатом двухэтажном доме. Их дочь Лиана училась на последнем курсе химико-технологического института и была помолвлена с сыном директора крупного завода. Дело шло к свадьбе. И вот тут случилось непредвиденное. Лиана, очень даже некстати, забеременела от своего друга из простой семьи Роберта Галиева, с которым дружила с детского садика. Это событие рушило все планы этой известной не только в городе, но и республике семьи.

Мама Лианы, Лейла, гинеколог высшей квалификации, в то время работала заведующей роддомом. Узнав об этом, потребовала от дочери, чтобы та срочно, пока не поздно, избавилась от ребёнка, Лейла прекрасно знала, что её дочь в дальнейшем может остаться бездетной. Она всеми силами старалась убедить свою дочь, что такая экстренная мера нужна для благополучия их семьи. Лейла, упав перед дочерью на колени, умоляла:

– Доченька, скоро ваша свадьба, если сейчас не сделаешь аборт, об этом позоре нашей семьи узнает весь город. Многие недруги будут злорадствовать: дочь-мусульманка самого мэра принесла в подоле, и это будет позором на весь наш род. И это как раз в тот момент, когда буквально через месяц-другой должна состояться ваша свадьба, и самое главное, твоего отца ждёт повышение по службе. Если всё будет нормально, скоро твой отец станет большим начальником в области. Если ты меня не послушаешься, то повышения твоего отца в должности не будет, а ваша свадьба не состоится. Пока твой отец находится в Москве, защищает диссертацию, нужно уладить это дело до его приезда, чтобы ни он и никто из знакомых об этом не узнал.

– Мама, ты же сама гинеколог и прекрасно знаешь, по закону шариата – это большой грех, как я могу убить своего ребёнка, – сказала надрывно плача Лиана, – ведь он моя кровь и плоть от моей плоти, и твой внук, ведь он живой человек. Лучше меня убейте, но я на такое преступление не пойду. Ведь он ни в чём не виноват. Не хочу я выходить замуж за нелюбимого человека. У меня есть парень, которого зовут Роберт, его я безумно люблю и замуж пойду только за него. Если вы боитесь людских пересудов и сплетен, то мы с Робертом сегодня же уедем на Север, а там нас никто не знает. Обещаю: мы отсюда уедем и в свой родной город

никогда не вернёмся. А вы будете жить спокойно, и никто вас не будет позорить, сделаете себе хорошую карьеру, ещё больше наживёте добра. От вас никакой помощи нам не надо. Скоро получим дипломы, у нас руки-ноги есть, себе и ребёнку на жизнь заработаем сами.

Лейла не смогла уговорить дочь. Лиана твёрдо решила оставить ребёнка.

Лейла – опытный гинеколог, видя бесполезность уговоров, пошла подлым путём.

– Доченька, – сказала она Лиане, – ты думаешь, мне легко пойти на такой шаг? Я и сама не хотела этого. Раз ты приняла такое решение, то тебе нужно будет пройти полное обследование, чтобы родить нам здорового внука.

После проверки здоровья молодой мамы и развития плода Лейла сказала дочери:

– Поздравляю, доченька, у тебя будет дочь. Она хорошо развивается, отклонений от нормы не выявлено, так что не волнуйся, всё будет хорошо. Единственное, для подкрепления твоего здоровья и чтобы не было выкидыша, я тебе буду давать дорогие импортные лекарства. А то, что ты беременна, раньше времени никому не рассказывай, могут сглазить.

После этого разговора она свою дочь беспрерывно пичкала какими-то непонятными препаратами. Лиана полностью доверяла матери, у неё и в мыслях не было то, что её родная мать может так подло поступить.

Лейла, с целью избавления от внучки ещё в утробе дочери, давала ей препараты, которые должны были убить ребёнка, она своими руками травила малыша, что отрицательно отразилось на здоровье её дочери. Испугавшись, что с дочерью может произойти непоправимое, Лейла прекратила пичкать Лиану этой отравой. Она уже и сама не рада была, что пошла на убийство своей внучки. Тем более зная, что после употребления таких сильных препаратов малышка может родиться уродом.

Лейла с нетерпением ждала, что у дочери вот-вот произойдёт выкидыш, но время шло. Малышка не хотела умирать. Жажда жизни оказалась сильнее коварства её родной бабушки.

Иногда Лейле в голову приходили нехорошие мысли, просыпалась совесть: «Что же ты делаешь, бездушная, подлая бабушка? Ради чего ты хочешь угробить свою внучку и исковеркать судьбу своей единственной дочери? Тебе чего не хватает, денег, шмоток? Твоя семья самая богатая в городе. У тебя есть всё, что душа желает: двухэтажный особняк, машина – иномарка, импортная мебель, японская видеотехника. Ты первая леди в городе. Может, тебе не хватает ещё больше славы? Тебе не кажется, что ты играешь с огнём. Как бы не получилось, как в сказке у Пушкина, оказаться у разбитого корыта. Тебе мало того, что за свою врачебную деятельность ты своими руками убила столько безвинных малышей и исковеркала судьбы многих будущих мамаш? Не боишься божьей кары? Ведь Аллах может послать тебе наказание. В священной книге Коран сказано, что человек рождается по воле Аллаха, и только он имеет право отнять у него жизнь. А ты занимаешься детоубийством. Врач, убивающий детей в утробе матери, из ангела в белом халате превращается в палача с косой. Каждая женщина должна познать счастье материнства, ухаживать, лелеять и кормить грудью своего ребёнка – чудо природы, данное самим Господом Богом, и заложить в его душу доброту, сопереживание и милостивое отношение к людям. А ты – сволочная женщина, свою единственную дочь хочешь лишить такого счастья!»

Наконец Лейла дождалась этого дня: у дочери произошли преждевременные роды, но, вопреки принятым мерам и стараниям бабушки, девочка родилась семимесячной, что удивительно, вполне жизнеспособной, но с физическими отклонениями, особенно это было видно на её лице. Старания бабушки для новорождённой внучки не прошли даром.

Лейла роды у своей дочери приняла сама и сразу ей сообщила, что малышка родилась мёртвой. В официальных документах также было написано: «Девочка родилась мёртвой».

Лиана после родов долго находилась между жизнью и смертью. Её специальным самолётом отправили на срочное лечение в Московский научно-исследовательский институт акушерства и гинекологии. Только благодаря умению опытных учёных она осталась жива.

А тем временем Лейла оказалась между двух огней. Что-то надо было делать со своей внучкой. Чтобы избавиться от этого нежеланного уродливого малыша, достаточно было сделать ребёнку укольчик, но это была опасная затея, так как среди няnek и санитарок были и недоброжелатели, которые об этом могли сообщить куда надо, ведь умерщвление живого ребёнка – это самое настоящее убийство, а за такое преступление по закону грозит реальный срок лишения свободы. Мало того, о подлом поступке своей матери могла узнать её дочь Лиана, и это могло обернуться для неё большой бедой. Такого коварства своей матери Лиана никогда не простит.

А между прочим, о том, что родная мать травила её вредными препаратами для здоровья, она узнала от врачей института акушерства и гинекологии, которые боролись за её жизнь.

А вот если об этом узнает её муж Мансур, то неизвестно, чем всё это может закончиться?

После прохождения лечения в столице врачи рекомендовали Лиане для продолжения лечения и укрепления здоровья поехать за границу. Чтобы скрыть следы своих преступных действий и избавиться от внучки-урода, бабушка Лейла придумала хитроумный план действий. Пока дома отсутствовали её муж Мансур и дочь Лиана, она заранее купила складную коляску и всё необходимое для новорождённого, наняв за хорошие деньги такси (служебной машиной мужа она не стала пользоваться, так как лишние свидетели ей были не нужны), ночью, открыв своими ключами комнату для новорождённых, с чёрного хода вошла в роддом, забрала её и, посадив внучку в машину, поехала в ближайший дом малютки, который находился в семидесяти километрах от города. Лейла была уверена, что её никто не заметит, но это было не так. В ту ночь в доме малютки дежурила Наташа – подруга, одноклассница её дочери, и она в последний момент заметила знакомую фигуру матери Лианы. Бить тревогу она не стала, так как свою внучку забрала родная бабушка, к тому же она является заведующей этого заведения.

По дороге, когда они выехали из города, её осенила мысль, что она не совсем верно поступает. Если она ребёнка оставит в этом ближайшем приюте, то следственные органы могут вычислить маму подкидыша, и разразится грандиозный скандал. Тогда она решила малышку отвезти подальше, в другую область. Когда таксист спросил у Лейлы, куда она везёт ребёнка, та ответила, что мама малыша живёт в другом городе, и поэтому она решила отвезти внучку к родной матери.

Уже в незнакомом городе соседней области таксисту долго пришлось поколесить по нему, пока они не нашли дом малютки. Чтобы шофёр такси ни о чём не догадался, Лейла попросила остановить машину за несколько сотен метров до приюта. Она покатила свою внучку на коляске к дому малютки. Уже подойдя к приюту, она, обняв сладко спавшего малыша, долго плакала. В этот момент у неё появились материнские чувства, душа разрывалась от жалости к своей родной кровиночке, даже в какой-то момент у неё возникло желание обратно увезти девочку домой, но страх перед дочерью и мужем за то, что она своими руками сделала свою внучку уродом, взял вверх. Она, в последний раз поцеловав свою кровиночку, подойдя к окошку дома малютки, постучала и быстрыми шагами скрылась из виду. Оглянувшись назад, она заметила, как открылась дверь приюта, вышла дежурная санитарка и унесла крошку в дом малютки.

Лейла, обессиленная от перенесённого стресса и страха, присев возле дерева, долго и безутешно плакала и молила Всевышнего: «О Аллах Великий, если можешь, прости меня за мою подлость»...

Похоже, и сама природа взбунтовалась от такого человеческого коварства: поднялся ураганный ветер, небо заволочило чёрными тучами, гром сотрясал всё вокруг, начался сильный ливень. За окном машины ни зги не видно было.

Лиана дала маме телеграмму, что она прилетит вечером, и просила, чтобы она с женихом Робертом встретили её в аэропорту. Поэтому, несмотря на такую погоду, шофёр продолжил движение.

Скоро стало известно, что они сбились с пути, машину трясло, и они попали в яму. Лейла от страха, что они могут утонуть, закричала.

После долгой попытки выбраться из этого непредвиденного коварного «плена» машина заглохла окончательно и не заводилась. Через несколько часов ливень немного укротил свой крутой нрав. Когда рассвело, Лейла окинула своим взором всю окрестность. Кругом было безлюдное пространство. Справа было болото, слева росли редкие кустарники, впереди видна была роща, и кругом никаких следов жизнедеятельности человека не было.

Твоя мама запретила говорить правду

В последние дни лечения за границей Лиана не находила себе места. Несмотря на то что врачи ей сказали, что лечение прошло удачно, теперь всё будет хорошо, на душе было тревожно. Она видела сон, где она перебралась жить в новый дом, а рядом с домом росли райские фруктовые деревья и летали красивые птицы. По рассказам старых бабушек, это был признак приближающейся беды или смерти.

На выходе из терминала аэропорта Лиану с большим букетом цветов встретил её жених Роберт. Приняв цветы из рук любимого, Лиана спросила:

– А почему ты приехал один и на такси? Где мама, почему она меня не встретила?

– Не знаю, любимая, я ей несколько раз звонил, но она на мой звонок не ответила. Наверное, не захотела со мной общаться. Ты ведь прекрасно знаешь, что я для неё пустое место.

– Наверное, у мамы появились какие-то экстренные дела, поэтому не смогла меня встретить, – сказала с тревогой в голосе Лиана.

Подъехав к двухэтажному особняку, где они жили, она подошла к дежурному и спросила:

– Петрович, вы не в курсе, мама меня почему-то не встретила, вы не видели, она куда-то не отлучалась?

– Я точно не знаю, доченька. Она ещё вчера вечером на такси куда-то уехала, – ответил охранник.

– Петрович, а вы не путаете, зачем ей нужно было вызывать такси? Может, она уехала на служебной машине?

– Да нет, доченька, я служебную машину Мансура Ахметовича хорошо знаю. Она уехала на такси. Я и сам удивился, она раньше услугами такси никогда не пользовалась.

Зайдя в дом, Лейла прошла в парадную, потом обошла все комнаты и заметила непривычный для их семьи небольшой беспорядок. Служанки дома не было. Она взяла недельный отпуск. В спальне родителей она заметила разбросанные в спешке вещи, здесь же валялись мобильник и паспорт мамы. Как будто она куда-то спешила, даже забыла с собой взять свой мобильник. Видимо, поэтому она не отвечала на звонки.

Лиане в голову стали приходиться какие-то страшные мысли. «А может, в дом залезли бандиты? Нет, это исключено, потому что все вещи в сохранности. Да и за домом ведётся круглосуточное видеонаблюдение, и на посту находится постоянная охрана. Тут что-то не так. Что побудило маму, на ночь глядя, экстренно куда-то уехать на такси, когда в гараже стоят три новенькие иномарки? Да и отцовский служебный «Мерседес» примчится по первому же её звонку. Может, на работе случилось что-то непредвиденное? Ведь сегодня для неё такой праздник: после лечения живая, здоровая возвращается её любимая дочь, а она её даже и не встретила». Лиана, обессиленная от нехороших мыслей, опустилась на кресло.

Роберт как мог её успокаивал, но это ей не приносило облегчения. В голове вертелась одна мысль: «С мамой что-то случилось. Обычно, когда она куда-то срочно уезжала, то предупреждала об этом по телефону или оставляла записку. А тут ни звонка, ни записки».

Тогда Лиана с Робертом поехали к месту её работы – роддом. Там дежурила её подруга Наташа.

– Лиана, какая радость, что ты вернулась живая, здоровая, ты стала ещё красивее, – сказала она, целуя свою подругу. – Давненько мы с тобой не общались. – Она без конца рассказывала о своей работе, одноклассниках, знакомых.

Лиана, прервав болтовню Наташи, спросила:

– Мама меня сегодня не встретила, она на работе?

Услышав этот вопрос, Наташа как-то растерялась.

– А я подумала, что она находится дома. Её сегодня на работе не было. Может, она сидит с малышкой, наверное, поэтому не смогла тебя встретить. – Наташа, испугавшись, что сказала то, о чём нельзя было говорить, осеклась.

Услышав от подруги слово «малышка», Лейла удивлённо спросила:

– Что-то я не понимаю, о какой малышке идёт речь?

От такого вопроса Наташа ещё больше растерялась.

– Ну, твоя дочка, внучка Лейлы Рашидовны.

Лиана, собрав всю свою волю в кулак, с дрожью в голосе спросила:

– Как я помню, после родов мама мне сказала, что ребёнок родился мёртвым. А разве это не так?

Наташа, не зная, как быть в этой ситуации, заскулила, как побитая собака:

– Дорогая Лианочка. Сейчас я не знаю, как мне поступить. Как будто я у кого-то ukrала дорогую вещь и меня поймали за руку. Твоя мама мне запретила говорить правду. Если я сейчас расскажу, как всё было, Лейла Рашидовна меня выгонит с работы.

– Наташенька, я тебе гарантирую, никто тебя не обидит. Я тебя умоляю, скажи мне всю правду, какой бы она горькой не была, – сказала Лиана.

Буквально через несколько минут она со слов подруги обо всём узнала.

– Когда Лейла Рашидовна свою внучку без ведома санитарки забрала, – продолжала Наташа, – я даже обрадовалась, что, наконец, она к твоему приезду решила сделать тебе подарок – вручить тебе твою дочь. Я даже не знаю, что и подумать. А может, она где-то задержалась, и они уже находятся дома.

Услышав от подруги эти слова, у Лианы в душе похолодело. Её сознание, как острая стрела, пронзила страшная догадка. «Похоже, мама её обманула. А для чего она это сделала? Чтобы избавиться от своей внучки? Не может быть, нет и ещё раз нет, чтобы её любимая мама так подло поступила, она на такое не способна!»

После рассказа Наташи Лиана долгое время не могла прийти в себя, обхватив голову двумя руками, не в состоянии сосредоточиться, сидела без движений. В голову лезли страшные мысли. «Неужели родная бабушка решила избавиться от своей внучки? Получается, она малышку забрала, чтобы её убить и где-то похоронить. Ну не может такого быть! Для этого надо быть извергом. Тут что-то другое. А может, она решила сдать ребёнка в детский приют? Если это так, то это ещё не поздно исправить. Срочно нужно объехать все ближайшие детские приюты и забрать малышку домой. Только вот вопрос: где их искать? Дома малютки имеются во всех городах, даже в районных центрах. К тому же на улице штормовой ветер и всё ещё продолжается ливень».

– Любимый, наша дочка жива, – прошептала Наташа Роберту сквозь слёзы, – похоже, мама её увезла, чтобы отдать в дом младенца. Нужно срочно в справочной узнать адреса детских домов области, найти нашу малышку и забрать её домой.

С адресами всех детских домов они тут же выехали. Побывали во всех крупных и малых городах, даже в районных центрах области, но везде ответ был отрицательным: «Никто никого не сдавал». Во всех социальных приютах удивлялись, мол, только ненормальная мамаша в такой ливень может принести своего ребёнка в дом младенца.

Проехали больше пятисот километров, а результата всё не было. У Роберта от усталости глаза слипались. К тому же видимость была плохая.

– Любимая, – сказал Роберт усталым, виноватым голосом, – может быть, остановимся и хотя бы полчаса отдохнём, я уже сплю на ходу.

– Нет, Роберт, пока мы не найдём нашу дочку, не остановимся, – каким-то обречённым голосом вымолвила Лиана. – Если ты устал, давай я сама сяду за руль. Я не хуже тебя вожу машину.

– Нет, дорогая. Нельзя тебе в таком стрессовом состоянии садиться за руль.

Несмотря на возражения своего жениха, Лиана, сев за руль своей новенькой «Ауди», с силой нажала на педаль газа. Таким образом, она с бешеной скоростью летела навстречу своей смерти. Она не заметила знак «Крутой поворот», и неуправляемая машина на полном ходу полетела в вечность. Эта была дорога с односторонним движением, откуда никто ещё не вернулся...

Лейла Рашидовна домой на такси вернулась только через сутки, к вечеру. Зайдя в дом, она обошла все комнаты, но дочери дома не было. Она в таких случаях, когда нужно было узнать о своём муже и дочери, всегда обращалась к дежурному на посту. Там опять дежурил Петрович. На вопрос: «Петрович, ты не в курсе, моя дочь Лиана должна была приехать из границы, но её нет дома, где она может быть?» он ответил:

– Лейла Рашидовна, Лиана со своим парнем приехали на такси. Спрашивали о тебе. Я сказал, что ты куда-то уехала на такси. Потом они на «Ауди» куда-то укатили. Больше я ничего не знаю.

Доченька, я вот этими руками хотела тебя убить

Посидев некоторое время в стрессовом состоянии, Лейла продолжила свой рассказ:

– Доченька, я вот этими руками хотела тебя убить, травила всякими ядами твою маму, когда ты ещё была в утробе, чтобы случился выкидыш, но, вопреки принятым мною коварным мерам, ты, изо всех сил цеплялась за жизнь, родилась семимесячной, но живой.

– Так ты моя родная бабушка?

– Да, доченька, роднее тебя у меня никого нет.

– Какая радость, ты моя бабушка, а моя мама красивая?

– Да, доченька, она была очень красивой.

– Скажи, бабушка, вот ты и моя мама красивые, а почему я такая некрасивая?

– Ради Великого Аллаха, прости меня, доченька, если можешь.

– Бабушка, милая, я на тебя не обижаюсь, я тебя очень люблю. Ты меня отсюда к себе заберёшь?

– Доченька, мы сегодня же с тобой уедем на нашу родину.

– Бабушка, а какой я нации?

– Доченька, ты татарка и твоё настоящее имя Лейсан. Когда ты ещё была в утробе матери, она тебе дала такое имя.

– А как будет по-татарски «бабушка»?

– «Бабушка» в переводе на татарский будет «эби», «эбикай».

– А как будет по-татарски «доченька»?

– «Доченька» будет «кызым».

– Эбикай, ты меня научишь разговаривать на моём родном языке? Мои мама с папой, наверное, нас заждались. Нам надо быстрее ехать домой. Я хочу быстрее обнять, поцеловать маму, папу, деда.

– Доченька, – у Лейлы из глаз ручьём потекли слёзы, – нет в живых ни твоего отца, ни мамы. Когда, оставив тебя в доме младенца, я вернулась домой, твоих родителей дома не было. Они догадались, что я увезла тебя в дом младенца, и отправились ночью искать нас. Они разбились на машине. Папа твой умер сразу, а мама в тяжёлом состоянии лежала в больнице в реанимации. Я трое суток дежурила возле неё, всё молила Аллаха, чтобы она осталась жива, но Всевышний не услышал мою мольбу, жестоко меня наказал. Мне сто раз было бы легче самой умереть, чем испытать такие адские муки. Мама твоя перед смертью пришла в сознание и просила быстрее забрать тебя из дома малютки. Но после смерти твоей мамы и папы от сильного стресса я тяжело заболела и периодически много лет лечилась в психбольнице. Какие муки мы с твоим дедом пережили, когда хоронили твоих родителей, только сам Аллах знает. В расцвете сил любящих друг друга парня и девушку похоронили за одной оградой в свадебном наряде.

Вот сейчас я, никого не предупредив, ушла из больницы и приехала за тобой. Кызым, Лейсан, сейчас я тебя никому не отдам. Пока я жива, мы будем вместе. Сейчас мы с тобой на такси поедem в аэропорт и через сутки будем дома.

В тот момент Лена увидела идущую в их сторону воспитательницу Клавдию.

– Бабушка, быстрее спрячь меня. Вон идёт Клаша-палач, это она меня ищет. Сейчас она будет бить меня. – Лена, съёжившись, хотела спрятаться за спину своей бабушки, но Клавдия заметила её и кинулась на Лену со словами:

– Что тут делаешь, уродина? Кто тебе разрешил кушать мороженое. Ах ты, баба-яга, ты тут чем занимаешься? Почему с увольнения вовремя не пришла? Ты когда должна была прийти? Я тебя везде ищу, а ты тут с какой-то проходимкой развлекаешься. А ну вставай, чучело огородное, пошли домой!

Она, схватив Лену за руку, с размаху ударила её по лицу. Девочка от сильного удара упала на землю, из носа пошла кровь.

– Что вы делаете, зачем вы бьёте мою внучку? – Лейла, пытаясь защитить Лену, оторвала её из рук воспитательницы и, обняв, встала между ними.

– А ты кто такая? Аферистка, ты хочешь похитить ребёнка? Пошла бы ты подальше отсюда! – Клаша-палач во весь голос стала кричать на Лейлу.

– Я её бабушка. Кто вам дал право бить мою внучку? – возмущённо ответила Лейла.

– Какая ты бабушка? Знаем мы таких бабушек. У неё нет никаких бабушек, дедушек. Она подкидывш. Если ты в самом деле её бабушка, где ты была до сих пор? Я знаю, ты аферистка и намерена увести её и использовать в своих корыстных целях.

Публика, отдыхающая в парке, услышав, что кто-то хочет похитить ребёнка, начала собираться вокруг этой тройки, чтобы посмотреть этот интересный, на их взгляд, бесплатный спектакль.

– Товарищ милиционер, помогите арестовать эту аферистку, – крикнула Клавдия, обращаясь к мимо идущему стражу порядка.

Возмущённая толпа также поддержала Клашу: «На вид вроде бы порядочная, а чем занимается – продаёт наших детей на органы!»

– Участковый милиции, капитан Корень, – представился он. – Объясните, пожалуйста, что здесь происходит, из-за чего вы здесь скандалите?

– Я воспитательница здешнего детдома, – сказала Клавдия. – Вот эта аферистка хочет похитить нашу воспитанницу. Вот такие проходимки наших детей уводят и продают на органы или сдают в притон мужчинам для сексуальных утех.

– Я вас знаю, вы работаете в детдоме. А вы кто такая? – обратился участковый к Лейле: – Гражданка, предъявите ваши документы.

Лейла, несколько минут порывшись в сумке, тяжело вздохнув, сказала: – Извините, товарищ милиционер, но мои документы украли на вокзале.

– Так, с вами всё ясно. Идёмте в отделение, там выясним, кто вы такая и с какой целью вы незнакому девочку угощаете мороженым, шоколадкой.

В отделении милиции капитан Корень, составив акт, дал на подпись сначала Клавдии, потом – Лейле Рашидовне. Там было написано: «Неизвестная, без документов, гражданка в корыстных целях в парке отдыха воспитанницу детдома Сакирко Елену угощала всякими сладостями и склоняла к побегу из детдома».

– Вы можете идти, – сказал капитан, обращаясь к Клавдии и Лене.

– А вы, гражданка, до выяснения личности посидите в камере предварительного заключения.

Лейла Рашидовна изо всех сил старалась объяснить милиционеру, что она одиннадцать лет назад оставила свою внучку в доме младенца, и вот сейчас нашла её и хочет забрать к себе. Но страж порядка даже и слушать не стал её бессвязные слова.

– Так вы к тому же ещё совершили преступление, оставив новорождённого ребёнка на улице? Вы совершили уголовное преступление, и вам за это придётся отвечать перед законом.

Лена, двумя тоненькими ручонками крепко обняв свою бабушку за шею, рыдая, умоляла:

– Бабушка родная, не отдавай меня Клаше, она меня будет бить, посадит в карцер, там мыши, тараканы, я их боюсь.

– Товарищ милиционер, ради бога, отпустите нас с бабушкой. Это моя бабушка. Она приехала за мной. Не хочу я в детдом, хочу уехать с бабушкой на мою родину.

– Ты, уродина, я тебе покажу, как убегать из детдома. Товарищ милиционер, эту аферистку посадите в камеру. В прошлом месяце вот так же похитили одну нашу воспитанницу и до сих пор её не нашли. Теперь я знаю, это её рук дело. На этом они деньги делают. Если

на этом деле не поставить крест, то они и дальше будут похищать наших детей. Так что ни в коем случае её отсюда не выпускайте!

Клавдия, схватив ручку девочки, резко дёрнула, и Лена, потеряв равновесие, плашмя упала лицом вниз на пол.

– Бабушка, защити меня от Клаши, она меня убьёт, – запричитала побледневшая девочка.

Лейла Рашидовна кинулась было помогать Лене встать на ноги, но милиционер её опередил: крепко схватив её за руки, изо всех сил упирающуюся женщину потащил в сторону и, открыв дверь, затолкнул в камеру предварительного заключения.

Тем временем Клаша-палач, схватив за шкирку худенькую, маленькую Лену в полубомбочном состоянии, уволокла из отделения милиции в карцер.

Лейла Рашидовна через решётку камеры, протянув руки в сторону уходящей внучки, причитала: «О Аллах Великий, за что ты меня так жестоко наказал? У меня в жизни, кроме моей внучки, никого не осталось. После долгих лет я её нашла, и ты меня с ней разлучаешь. Скажи, ради всех святых, как мне дальше жить? Не хочу я дальше жить. Накажи меня лучше, заведи к себе».

Для Лены этот драматичный эпизод жизни, где её отлучили от родной бабушки, на всю жизнь оставил глубокий незаживающий, кровоточащий шрам на душе. Со временем эта встреча с родной бабушкой ей стала казаться неправдоподобным сном, какой частенько снится детдомовским, да и многим другим обездоленным детям чуть ли не каждый день.

Красавчик Арвид Харакис

Когда Лене было шестнадцать лет, в детдом, где она воспитывалась, на работу заместителем директора по трудовому воспитанию поступил высокого роста, молодой красивый парень с хищным, каким-то завораживающим взглядом по имени Арвид Харакис.

Он одним своим взглядом раздевал молоденьких детдомовских девочек. Ему особенно нравилась не по годам развитая, с большой грудью, красивая девочка по имени Виола, которую звали Атаманшей. Таких в народе называют «кровь с молоком». Виола всех держала в страхе, так как могла жестоко избить любую из них. Её даже и многие мальчишки побаивались. Одним словом, красавчик Арвид на Атаманшу положил глаз и осторожно, чтобы не привлечь внимания посторонних, соблюдая конспирацию, начал к ней подбивать клинья, так как по правилам внутреннего распорядка детского дома это строго запрещалось.

Виола и сама была не против покрутить роман с таким крутым мачо. Да чего говорить про красавицу Виолу, в него были влюблены все сопливые первоклашки. Арвид, как-то улучив момент, назначил Атаманше свидание ночью в своём кабинете. Узнав, где она спит, обещал в полночь, когда все будут спать, прийти за ней. Атаманша в знак согласия кивнула головой.

В тот день Виола со своей правой рукой Настей, показывая на Лену, подозрительно шушукались, показывая на неё, смеялись. Они явно что-то замыслили. Это Лена поняла только потом. Виола, подойдя к ней, на удивление ласково обратилась с предложением на одну ночь поменяться с ней местами, где они спали. Обычно Виола к ней обращалась не иначе, как страшилище, уродка, баба-яга. Бывало, она ни за что ни про что била её по лицу. Услышав от своего тирана ласковое обращение, Лена совсем растаяла, без лишнего разговора, не чувствуя подвоха с её стороны, согласилась.

В полночь, где спали Лена и ещё три воспитанницы, тихонько открылась дверь. Высокий парень бесшумно подошёл к спящей Лене, легко, как пушинку, взял на руки и понёс к выходу из спальни. Девочка в первые минуты спросонья никак не могла понять, кто и куда её несёт так бережно, как куклу. Для бедной девочки, которую никто не то что на руках не носил, но даже никогда и не гладил, это было верхом блаженства, она от удовольствия просто растаяла. Лена проснулась, когда оказалась на диване. В комнате было темно. Положив на диван, кто-то торопливо начал её раздевать.

Раздев догола, он начал её неистово целовать во все части тела. Он без спешки, умело, со знанием дела настроив женское тело на нужный лад, довёл её до экстаза, только потом осторожно приступил ко второй части сексуальной процедуры.

От такой неземной ласки девочка потеряла рассудок, потом вдруг почувствовала острую боль, которая тут же растворилась. Она на крыльях буйной фантазии понеслась в безбрежные просторы вселенной.

Закончив своё дело, Арвид включил свет и разочарованно вымолвил: – Это ты, что ли, страшилище? Я же договаривался с Атаманшей. То-то думаю, сиськи не те. А как ты в чужой постели оказалась? Догадываюсь, ты преднамеренно легла в чужую постель. Так что я не виноват. Это ты сама захотела со мной секса. Надеюсь, тебе понравилось со мной. Об этом никому ни слова. Если проболтаешься, то пеняй на себя, убью, как собаку! Ты сама отдалась без принуждения, добровольно. Не зря про меня девушки говорят, что я искусный любовник. А, между прочим, мне понравилось. Можешь рассчитывать на дальнейшее продолжение наших отношений. Ты должна быть благодарна, что твоим первым мужчиной был именно я. Многие девушки хотят со мной секса, но мало кому такое счастье достаётся. Так что гуд бай, как-нибудь я к тебе ещё загляну, и ты ещё не раз получишь такое неземное удовольствие.

Арвид в конце разговора каждый раз добавлял своё любимое слово «гуд бай», и за эту привычку ему в детдоме дали кличку Гуд бай.

Сексуальные отношения между Леной и Арвидом продолжались до тех пор, пока не выяснилось, что она беременна. Это было настоящей трагедией и для бедной девочки, и для красавца Арвида. Оказалось, он, кроме Лены, успел лишить девственности ещё двоих детдомовских девочек, в том числе и Виолу-Атаманшу. Но им каким-то образом удалось избежать участь Лены.

Когда известие о беременности Лены дошло до директора, весь персонал детдома зашевелился, как пчелиный рой. Директор детдома, вызвав Лену в свой кабинет, накинулась на неё, как тигр на ягнёнка. Она её обвиняла во всех мыслимых и немыслимых грехах. По её словам, Лена сама соблазнила и легла под её любовника красавца Арвида. Уже потом выяснилось, что она с Арвидом давно состояла в сексуальных связях.

Бандерша-директор Лену пугала, что она проститутка и за разврат её арестуют и посадят в тюрьму. Поэтому ей надо срочно избавиться от ребёнка. За это ей обещали деньги и в скором времени дать квартиру.

Лена, задыхаясь от слёз, клялась, божилась, что она не виновата, её ночью спящую из постели утащил и изнасиловал её заместитель Арвид Харакис, но Бандерша об этом и слышать не хотела. Она сказала, что если «сучка не захочет, то кобель не вскочет».

– Ты же сама добровольно легла в чужую постель, сама захотела секса с Арвидом. Знал бы красавчик Арвид, он ни за что не стал бы лезть на такую страшную. За ним такие красавицы охотятся, но он, как порядочный человек, к себе никого и близко не подпускает, так что я не позволю своего зама перемешать с грязью.

Об этом вопиющем случае, произошедшем в детдоме, стало известно и в правоохранительных органах, также и общественных организациях. Для расследования этого ЧП приходили представители соцзащиты и следователь прокуратуры.

Чтобы замять это дело, Лену вызвали в кабинет, перед ней положили пачку денег, чтобы она согласилась на аборт, но она от этого предложения отказалась наотрез. Как только её ни уговаривали, пугали тюрьмой и физической расправой, всё было бесполезно. Они никак не могли понять, откуда у такой пигалицы такое упорство, такая сила воли, чтобы противостоять таким угрозам и нажиму со всех сторон.

Ты до конца своей жизни будешь любить только меня одну!

– Ну что, ловелас, допрыгался до неба в клеточку? Ты хоть представляешь, что тебе за это светит? Самое малое пять лет, а может и все десять, – накинулась Бандерша на своего любовника Арвида. – Ты что, скотина, забыл, ведь только недавно оттуда вернулся? Я, чтобы тебя из зоны выгнать и сделать новые документы и диплом, столько сил и денег потратила. Ты за это до конца жизни со мной не считаешься. Спрашивается, зачем мне нужно было брать тебя на работу своим замом?

– Ну прости меня, моя красотка, неблагоприятную тварь, – с жалобным тоном вымолвил Арвид, – с кем не бывает. Они сами этого захотели, мне проходу не давали, просили, умоляли. И вот, чтобы не обижать их своим отказом, я всех их осчастливил. Теперь мою любовь они до конца жизни не забудут.

– Спрашивается, чего мне, тупорылой, в жизни не хватало? Своего доброго, порядочного мужа, успешного бизнесмена променяла на бездомного кобеля. Скажу честно, мне не хватало настоящего: вариативного, эмоционального и разнообразного секса, которого можешь предоставить только ты. Нет, нет, не думай, у мужа с эрекцией всё было нормально. Но каждый раз во время сексуальных утех я думала только о тебе. У меня было столько любовников, не сосчитать, но ни один из них в искусстве любви тебе и в подмётки не годится. Я только с тобой испытываю настоящий оргазм. Я помимо своей воли стала твоей вечной рабыней. Но в этом вопросе я хочу внести небольшую корректировку. Сейчас ты узнаешь, в чём она заключается. Тебя срочно нужно заарканить, как необъезженного жеребца, иначе ты добром не кончишь, опять загремишь под фанфары. Ты до конца своей жизни будешь моим рабом и всю жизнь будешь любить только меня одну! Без твоей любви я зачахну.

– Не томи, не режь по живому, моя птичка, подскажи, как мне быть, что для этого нужно делать? Я согласен на всё, что ты скажешь!

– Так и быть, скажу. Как только ты подпишешь вот эту бумагу, я тебе объясню, как разрулить эту ситуацию.

Харакис, мельком взглянув на кабальный документ, воскликнул: – Ты что, любимая, очумела, решила из меня сделать вечного раба? Ведь я за всю свою жизнь с тобой не смогу расплатиться! Не дай бог остаток жизни провести в клетке.

– Объясняю, пока ты со мной, ты будешь моим любовником, за это платить ничего не надо будет, даже наоборот, я буду тебя содержать, будешь кататься как сыр в масле. Ты прекрасно знаешь, я дама очень даже состоятельная, будешь жить со мной. У тебя будет всё, что душа желает, а вот если от меня уйдёшь, то сам знаешь, что с тобой случится, тогда уже прости, с долгами расплатишься сполна, с процентами, вполне возможно, свой остаток жизни проведёшь, как зверь в клетке. Ты не забывай, я ради тебя совершила преступление, в этом ты тоже участвовал. Я избавилась от законного мужа, стала вдовой для того, чтобы мы до конца жизни были вместе. Я не забыла, как ты себя со мной вёл вначале, бесцеремонно, но вот пришло время поставить все точки над «i».

– Милая, может, как-то по-другому решим эту проблему? Ведь это для меня непомерная цена, это же смерти подобно!

– Если тебя не устраивают мои условия, то ты получишь десять лет тюрьмы за изнасилование несовершеннолетней, тебя там сделают женщиной, и твоё место будет возле параша. Если подпишешь, то, не зная нужды, будешь жить как у бога за пазухой, так что выбирай одно из двух.

– Ладно, так и быть, согласен, ты перекрыла мне кислород, чёрт с ней – с личной свободой. Чем за колючей проволокой десять лет питаться тюремной баландой, думаю, лучше быть рабом-любовником.

– Молодец, ты принял верное решение. Сейчас слушай меня внимательно, все вопросы с правоохранительными органами разрулю я сама. Твоя задача: пока не поздно, пока девочка в стрессовом состоянии, осторожно выясни у неё насчёт аборта. Если согласится, это для нас было бы прекрасно, но если нет, ты не настаивай. Да и хрен с ним – с этим абортom, мы пойдём другим путём. Так вот, пойдёшь к этой уродине... на что только не пойдёшь, чтобы вытащить любимого из дерьма. Умоляешь простить тебя, женишься на ней, то есть заключаешь фиктивный брак, а через несколько месяцев, как только утихнет этот сыр-бор, мы с тобой укатываем за границу. Там есть особняк, который оставил мне мой покойный муж, а денег у меня куры не клюют. Тем более после этого ЧП и финансовых махинаций в детдоме, пока УБЭП не взялось за это дело, мне тоже здесь оставаться опасно. Надеюсь, ты всё понял?

– Да, дорогая моя синичка, я понял, постараюсь сделать точно так, как ты сказала.

Посеешь любовь, пожнёшь дитя

После того, что с ней произошло, Лена никак не могла прийти в себя. Это для неокрепшей психики одинокой на всём белом свете девочки было равносильно удару молнии в миллионы киловольт, который заживо сжигает всё на своём пути. Рядом с ней не было ни одной живой души, кто бы словом её поддержал, дал совет. Даже некоторые работники детдома, медсёстры, которые раньше к ней относились доброжелательно и жалели её, близко не подходили, боялись даже словом обмолвиться. Они как огня шугались гнева Бандерши, так как на сто процентов были уверены, что если кто-то с ней будет общаться, то директор, благодаря стараниям шестёрок, буквально через несколько минут об этом узнает. И тогда гнев госпожи неминуем: можешь потерять должность или попасть в карцер.

Директору в голову пришла умная мысль: чтобы никто не смог дать пострадавшей совет, она решила её изолировать от общества. Временно поселила её в отдельной комнате, закрепила за ней охрану, даже обслугу, которая из столовой приносила вкусную пищу из рациона самого директора.

– Тук-тук, кто в тереме живёт?

– Войдите, дверь открыта, – сказала Лена, гадая, кто этот добрый человек, который пришёл к ней на помощь.

В дверях с большим букетом красивых цветов, коробкой шоколадных конфет и бутылкой армянского коньяка стоял красавчик, брутальный мачо Арвид Харакис. Он был чисто выбрит, одет с иголочки, от него пахло дорогим одеколоном.

– Ну войдите, Арвид Генрихович, чего стоите? – прошептала еле слышно девочка. У неё от волнения закружилась голова, задрожали руки, подкосились ноги, душа ушла в пятки. Чтобы не упасть, она прислонилась к стенке.

– Нет, ещё раз нет, не имею я морального права сюда войти. Как я мог, как я мог, урод несчастный, так подло, как последний негодяй, поступить с тобой? Такую святую, непорочную красавицу мог испортить только последняя сволочь.

Арвид, упав на колени, обнял её ноги и продолжал заранее отрепетированный спектакль. Увидев такую душераздирающую сцену, даже сам Станиславский от жалости заплакал бы. Таким светским манерам, всяким любовным монологам он научился на зоне, где участвовал в художественной самодеятельности.

– Мамзель, ты даже не представляешь, как я мучаюсь. Кто-нибудь, ради бога, прошу, избавьте меня, подлеца, от этих невыносимых мучений. После всего случившегося от угрызений совести я ночами не сплю, кусок хлеба в рот не лезет. Если и дальше так будет продолжаться, я сойду с ума или покончу со своей жизнью. Леночка, красавица, умница моя, я заслужил смерти. Из твоих рук готов выпить даже яд. На, воткни в моё коварное сердце вот этот кинжал! Только так я смогу искупить свой неподъёмный грех перед тобой и Всевышним. Если ты меня не прикончишь, то это сделаю я сам. – Он демонстративно, как в индийских фильмах, приставил кинжал к сердцу.

– Что вы делаете, Арвид Генрихович, – до смерти испугавшись, прошептала Лена. – Ради бога, не надо, умоляю, не убивайте себя, я вас люблю, на вас зла не держу, прекратите, иначе я позову на помощь людей.

Харакис понял, что в своих театральных действиях немного переусердствовал: ситуация могла выйти из-под контроля. Чтобы не испортить так удачно начавшуюся трагикомедию, он поцеловал ручку, красиво вручил девочке цветы, как спортсмен, обессиленный от многочасового изнурительного марафона, плюхнувшись на заранее приготовленную кровать, опустил голову и замолк...

– Понимаешь, любовь моя, на свете немногим удаётся постичь глубину человеческого бытия, понять смысл и сущность жизни и смерти, любви и ненависти, радости и горя. В природе всё познаётся в сравнении, ещё совсем недавно у меня к тебе не было никаких чувств, а сейчас я тебя люблю до беспамятства, – продолжал он, а бедная девочка, не осознавая, что с ней происходит, оказалась под влиянием гипноза. – Ты даже не представляешь, моя красотка, как я рад этой нашей встрече. Иди ко мне, моя кукла Барби. Какая у тебя прекрасная, как у дюймовочки, фигура. Как только мы с тобой поженимся, сделаем тебе корректировку глаз и лица, это я тебе гарантирую, и тогда ты станешь настоящей топ-моделью, все девушки умрут от зависти.

Эти слова Арвида хоть и были сказаны не от чистого сердца, тем не менее для неё были как бальзам на душу, они засели в памяти, как несбыточная мечта всей её жизни. Харакис так искусно врал, про таких в народе говорят: «врёт как сивый мерин»...

После бурной ночи Харакис осторожно спросил:

– Милая, если ты своё заявление из милиции не заберёшь, нас разлучат, мы с тобой не сможем быть вместе.

– О каком заявлении вы говорите? Я никакого заявления не подавала. Видимо, эту бумагу от моего имени написал тот старик – общественник. Он настойчиво грозился посадить вас на десять лет. Я сегодня же заберу это заявление, а следователю скажу, что в том, что я забеременела, никто не виноват.

– Вот за это огромное спасибо тебе, моё солнышко. Если ты не против, можем официально оформить наши отношения.

После свидания с любимым человеком, в которого влюбилась с первого взгляда, она была на седьмом небе от счастья. Нет, она не такая уж дурочка. Девочка прекрасно понимала, что этот «артист» не её поля ягода, совместная жизнь с ним исключается, они слишком разные люди.

Лена никак не могла принять окончательного решения. «Может, сам Бог послал мне этого ребёнка, – рассуждала она по-взрослому. – Если сейчас избавлюсь от ребёнка, то в дальнейшем у меня такой возможности может и не быть». Тем более прерывание первой беременности может стать началом конца материнства. Какой мужчина позарится на такую некрасивую женщину, как она? Если всё удачно сложится, родит ребёнка, то на старости лет не будет одна. Будет родная душа, дай бог, будут и внуки. Она приложит все силы, чтобы воспитать его хорошим человеком. В этот момент она не могла даже представить, с какими трудностями ей придётся столкнуться.

Все родители своих детей, кто-то с этим может не согласиться, рожают по меркантильным интересам, чтобы их дети на старости лет для них стали опорой – помогали материально, а также поддерживали морально...

Много сил и энергии понадобилось Бандерше замять это непростое дело. Ей помогли большие деньги и то, что у неё везде свои люди, как говорится, везде всё было схвачено. Чтобы избежать тюрьмы, между Арвидом и Леной был заключён фиктивный брак. Лену срочно устроили в домоуправление дворником и оттуда ей в хрущобе дали коммунальную комнату. Таким образом, директор детдома поймала двух зайцев: спасла от тюрьмы своего любовника – красавца Арвида и присвоила по закону положенную, благоустроенную однокомнатную квартиру Лены...

Невероятно, но Лена ни за что не могла подумать, что через много лет судьба снова сведёт её с первой и последней любовью, отцом её ребёнка – Арвидом Харакисом в Германии.

Детство Арнольда Харакиса

Когда Арнольду не было и трёх месяцев, его отец, Арвид Харакис, оставив на произвол судьбы фиктивную жену и сына, окончательно и бесповоротно канул в безвестность, уехал то ли в Прибалтику, то ли за кордон. Если сказать правду, то он с Леной не жил ни одного дня. Красавчик Арвид считал ниже своего достоинства жить с такой некрасивой женщиной, как Лена. Через три месяца директор детдома и Арвид скрылись в неизвестном направлении.

Лена с маленьким сыном жила в служебной комнате, которая принадлежала ЖКХ.

Уж очень Лена стеснялась своего природного недостатка, поэтому ни с кем из знакомых и сослуживцев не общалась. Ей приходилось, как говорят в народе, лезть из кожи вон, чтобы сводить концы с концами. Постоянно работала на двух работах, чтобы её единственный сын среди одноклассников выглядел не хуже. В финансовых вопросах её здорово выручала швейная машинка «Зингер», которую ей за успехи в швейном деле ещё в детдоме подарили спонсоры. В то время такая машина в Советском Союзе была в большом дефиците. Лена ещё в детдоме научилась хорошо шить и со временем стала большой мастерицей в швейном деле. Недалеко от их дома была швейная фабрика. Из-за неимения возможности работать на фабрике на постоянной основе, она еженедельно оттуда брала заказ на шитьё женских и мужских костюмов. Она ежедневно до двух-трёх часов ночи сидела за швейной машинкой. Чтобы экономить электроэнергию, ей приходилось прилагать максимум усилий, чтобы при скудном электроосвещении строчить на машинке швы. Это постепенно привело к ухудшению зрения. В последнее время её всё больше стал мучить кашель. Лёгкие, забитые мельчайшими частицами от хлопчатобумажных и синтетических материалов, уже не в состоянии были обеспечить все органы кислородом. Несмотря на это, она ни на один день не прекращала свою работу, так как другого источника дохода у неё не было. Ей деваться было некуда, нужно было поставить на ноги своего маленького красавчика Арнольда.

Себе из одежды она почти ничего не покупала, а сына старалась одеть во всё современное. Из его одноклассников мало кто так шикарно одевался. Некоторые знакомые думали, что этот модно одетый мальчик из состоятельной семьи. В своём Арнольде Лена души не чаяла. Он для неё был всем: воздухом, которым она дышит, солнцем, которое светит и греет, кусочком счастья, ради которого она живёт на этом свете. Только при одной мысли, что её сын может быть чем-то обделён, обижен, её бросало в жар.

Молодая семнадцатилетняя мама, у которой не было никакого опыта в деле воспитания ребёнка, с самого рождения своего Арнольда твёрдо решила, что воспитает своего сына настоящим мужчиной.

Близко знавшим эту семью людям в глаза бросалось то, что Арнольд был полной противоположностью своей матери. Он был высоким, широкоплечим, с мужественными чертами лица, голубоглазым красавчиком – копией своего отца Арвида.

Лена больше всего боялась, что её сын, воспитанный без твёрдой мужской руки, вырастет безвольным, нерешительным. Иногда ей так охота было обнять сына, поцеловать, прижать к груди, рассказать ему, как ей тяжело живётся на этом свете. Но Лена не могла этого допустить, так как считала, что сын может привыкнуть к материнским ласкам и тогда все его будут обижать, а как женится, станет подкаблучником у своей жены. Тогда он уже никогда в люди не выбьется и вся его жизнь пройдёт в нищете и лишениях.

Лена и сама не заметила, как воспитала сына-эгоиста высшей категории, настоящего потребителя, человека без души, которого интересовало только собственное благополучие: одеваться во всё фирменное, кушать только вкусное, а то, что его мама ходит в обносках и полуголодная, его мало интересовало. Нужно ещё добавить и то, что постепенно и запросы у этого мальчика стали просто королевскими.

Лена своего Арнольда кормила по отдельному рациону: для него она чуть ли не каждый день покупала свежее мясо, копчёную колбасу, масло, яйца, а сама питалась супнабором, картошкой, кашей и объедками со стола сына. Она в семейных отношениях с сыном поставила себя в роли прислуги. К приходу сына она должна была по заказу приготовить всё, что любил «господин» Арнольд. Если что-то ему было не по нраву, то мама Лена робко выслушивала его замечания и стояла перед ним в роли провинившейся школьницы. Он мог её отчитать нехорошими словами. И это было для неё в порядке вещей, так как он, как настоящий мужчина, имеет на это право. Когда Арнольд был совсем ещё маленьким, он к своей маме обращался – «ма», потом стал её называть «Ле», то есть Лена, а когда стал совсем взрослым – «ба», то есть бабой. Волшебное слово «мама» ни ей самой, ни её сыну было неизвестно. И такое обращение к себе она также считала нормальным явлением. Лена была уверена на сто процентов, что её Арнольд, когда вырастет, станет большим начальником или командиром с большими звёздочками и на старости лет к своей матери будет относиться с любовью и лаской, и будет ухаживать, как она сейчас за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.